

В.Ф.Барашков

А как у вас говорят?

сузъм

сина

кративса

изба

заплют

короб

зачленник крошн

боровик - рьжик

тук-бурак

В.Ф.Барашков

А как у вас говорят?

Книга для учащихся

**МОСКВА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
1986**

THORNado

ББК 81.2Р
Б24

Рецензенты:

кандидат филологических наук *Л. Н. Булатова*,
учитель ленинградской школы *Г. П. Соколова*

Барашков В. Ф.

Б24 **А как у вас говорят?:** Кн. для учащихся. — М.:
Просвещение, 1986. — 111 с.: ил.

В книге в доступной и занимательной форме рассказывается о русской народной речи, ее богатстве и территориальном разнообразии, о наречьях и говорах русского языка и их наиболее характерных особенностях.

Книга учит внимательному отношению к родному слову, показывает выразительные возможности русской народной речи.

Б $\frac{4306020000-710}{103(03)-86}$ 214—86

ББК 81.2Р

О чем эта книга

В повести Виктора Астафьева «Последний поклон» есть такие строчки

Мы проходили середину реки, самую стремнину. Называют ее стрежнем, селезнем, зёрлом, стрелкой, струной и еще как-то, не вспомню, но слова-то все какие — одно другого звучнее.

Нельзя не согласиться с писателем. Слова действительно звучные и — более того — яркие, образные, точные.

Но вот что любопытно. Слово *зёрло* в наиболее распространенных толковых словарях русского языка совсем отсутствует. А слова *селезень*, *стрелка*, *струна* в словарях хоть и есть, но то значение, с которым использует их писатель — «середина реки, стремнина», — у них не указано.

Естественно возникает вопрос, почему слово *зёрло* отсутствует в распространенных толковых словарях русского языка? Почему в них не указано то значение слов *селезень*, *стрелка*, *струна*, с которым в приведенном тексте употребляет их писатель?

Другой пример. Широко известна такая ягода, как красная смородина. Но далеко не все знают, что кислотную ягоду эту в разных местах по-русски, оказывается, называют по-разному. Так, в частности, в некоторых местностях Владимирской области она известна как *жостыль*, в Архангельской — *кислица*, в Псковской — *киселка*, в Новгородской и Вологодской — *княжуха*, в Калининской — *лядунница*, в Смоленской — *поречка*, в Карельской АССР — *сестреница*, или *сестрянка*...

Подобных примеров неодинакового именования одних и тех же предметов, явлений, действий, признаков в разных местах распространения русского языка можно было бы приводить очень и очень много. Но и по только что

отмеченным можно поставить целый ряд вопросов, касающихся и богатства, и своеобразия русского языка.

Действительно, почему на разных территориях в русской речи могут наблюдаться и нередко наблюдаются разные названия одних и тех же предметов, действий, признаков? Одинаков ли вообще русский язык в разных местах его бытования, скажем в северных областях нашей страны и в южных, в западных и восточных? А если не совсем и не во всем одинаков, то к чему сводятся, в чем конкретно проявляются его территориальные различия? Чем обусловлено само существование таких различий в языке единого русского народа? Какова роль таких различий в русском языке? Как к ним следует относиться?

Не приходится доказывать, что подобные вопросы представляют большой интерес для каждого грамотного человека. Тем более для тех, кто с особым вниманием относится к родному русскому слову.

Ответить на такие вопросы в какой-то мере и помогает эта книга, рассказывающая о русской народной речи, ее разнообразии, о наиболее характерных территориальных особенностях русского языка.

САМОЦВЕТНАЯ РЕЧЬ

«Жили-были старик и старуха...», «Жили-были кум с кумой — волк с лисой...», «Негде в тридевятиом царстве, в тридесятом государстве...»

Русские сказки... Кто в детстве не заслушивался ими? Кто не ждал с нетерпением того сумеречного часа, когда, освободившись от дневных забот и хлопот, бабушка или дедушка, мать или отец, а то и просто старшие брат или сестра или кто-либо из сверстников не произнесут это желанное «Жили-были...»

В долгие зимние вечера рассказывала сказки Александру Сергеевичу Пушкину безмерно любившая его няня Арина Родионовна. Поэт писал одному из близких своих друзей П. В. Нащокину:

Вечерами слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны... Она единственная моя подруга, и с нею только мне не скучно.

С благодарностью вспоминал ключницу Пелагею, «которая была великая мастерица сказывать сказки», известный русский писатель С. Т. Аксаков в книге «Детские годы Багрова-внука»:

Пришла Пелагея... Села у печки, подгорюнилась одной рукой и начала говорить немного нараспев: «В некиим царстве, в некиим государстве...» Это вышла сказка «Аленький цветочек». С этих пор до самого моего выздоровления... Пелагея ежедневно рассказывала мне какую-нибудь из своих многочисленных сказок...

На всю жизнь запомнил бабушкины сказки Алексей Максимович Горький. Он был покорен умением бабушки рассказывать их. В повести «Детство» писатель вспоминал:

Сказки она рассказывает тихо, таинственно, наклонившись к моему лицу, заглядывая в глаза мне рас-

ширенными зрачками, точно вливая в сердце мое силу, приподнимающую меня. Говорит, точно поет, и чем дальше, тем складней звучат слова. Слушать ее невыразимо приятно. Я слушаю и прошу:

— Еще!

— А вот еще как было: сидит в подпечке старичок домовый, занозил он себе лапу лапшой, качается, хнычет: «Ой, мышеньки, больно, ой, мышата, не стерплю».

Подняв ногу, она хватается за нее руками, качает ее на весу и смешно морщит лицо, словно ей самой больно...

...Сказки занимательны и будоражат воображение. На время сказочного действия они уносят и самого рассказчика, и его слушателей в необыкновенный мир сказочной фантастики, увлекают необычными приключениями и поступками сказочных героев, напряженной борьбой добра со злом.

Сказки не только интересны. Они одновременно и поучительны. Как справедливо заметил писатель Валентин Распутин, «...В сказке все есть. Если это мудрая народная сказка. Она воспитывает прилежание, любовь — к матери, к Родине. Есть в ней и добро и зло. И обяза-

тельность победы добра над злом. Сказки не развлекают — они учат. Пушкину они помогли «выучиться» на великого поэта».

Сколько существует их, русских сказок? Трудно сказать. Известный советский писатель Федор Абрамов поставил этот вопрос в небольшом своем рассказе «Сколько на Пинеге сказок».

Еще до войны, студентом, записывал я сказки на своем Пинежье. Раз попалась старуха — день записываю, два записываю, три — все сказывает.

— Много ли еще, бабушка? — спрашиваю.

— А кто знает. Не считала. Тут который год внучек заболел, фершалица приказала на улицу не пущать, дак я три недели сказками его удерживала. С утра до темени сказывала. Ну, всю-то себя не опознала. Много ведь людей-то на Пинеге жило. Сколько их, сказок-то, за века насказывали!

Привлекательны сказки и речью сказочников. Рассказывает сказки не каждый. А чаще всего тот, кто владеет словом, искусством рассказчика. Где сказка, там и прибаутка, там и яркое, меткое слово, пословица, поговорка, сравнение... — то, что украшает речь, делает ее образной, впечатляющей, запоминающейся...

Речевое мастерство сказочников отмечали многие слушавшие их писатели, поэты, ученые. С восхищением говорил о сказительском искусстве своей няни А. С. Пушкин:

Мастерица ведь была,
И откуда что брала.
И куда разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!
Слушать так душе отрадно.
И не пил бы и не ел,
Все бы слушал да сидел.
Кто придумал их так ладно?

А наш современник, поэт Сергей Островой, так описывает искусство сказочного рассказа в стихотворении «Сказки»:

Сказки надо рассказывать ночью,
Под мохнатые шорохи звезд.
Тут и встретишься с чудом воочью,
Тут и лешего схватишь за хвост.
Сказки надо рассказывать ярко,
Околдовывать речью цветной.
От беды, от вороньего карка
Уходила б судьба стороной.
Сказки надо рассказывать с толком,
Чтобы даль расступилась. И ширь.
Чтобы после хоть с чертом,
хоть с волком,
А не страшно. Ты сам богатырь...

В сказках заключены богатства народной фантазии и накопленная за века мудрость народа. В сказках очень часто проявляется и самоцветная яркость народной речи. И не только в сказках, но и в многочисленных произведениях других видов устного народного творчества. В былинах и преданиях, в народных песнях и частушках, в пословицах и поговорках... Наконец, в самой повседневной народной речи.

Северянин по рождению и по характеру всего своего творчества, писатель Федор Абрамов так определял роль слова, речи в жизни северян:

На Севере издревле вся жизнь, и повседневная, и праздничная, была пронизана многоцветным крас-

нословьем, будь ли то обычная бытовая речь, или по-местному «говоря», то ли песни и сказки, то ли героическая былина и искрометная скоморошина, то ли задиристая и забористая частушка.

Объясняя это северное «многоцветное краснословье», писатель рассуждает:

А как же иначе? Как жить в этом суровом краю без опоры на чудодейственную силу слова? Занесло, скажем, артель зверобойную в кромешные льды грозного океана — ну и чем, как не словом, укрепить... дух, скрасить... житье?

И как бы поддерживая архангельца Ф. Абрамова в его высказываниях о значении слова в народной жизни, писатель-воложанин Василий Белов замечает в книге «Лад»:

Что значит для народной жизни слово вообще? Такой вопрос даже несколько жутковато задавать, не только отвечать на него. Дело в том, что слово приравнивалось нашими предками к самой жизни. Слово порождало и объясняло жизнь, оно было для крестьянина хранителем памяти и залогом бесконечности будущего. Вместе с этим (и может быть, как раз поэтому) оно утешало, помогало, двигало на подвиг, заступалось, лечило, вдохновляло... Уменье хорошо, то есть образно, умно и тактично, говорить в какой-то степени было мерилom даже социально-общественного положения, причиной уважения и почтительности.

Именно поэтому, считает писатель, «слово... всегда стремилось к своему образному совершенству».

Говоря об образности и выразительности народной речи, здесь достаточно указать, что эти ее качества очень ярко проявляются в пословицах и поговорках, которые, как и слова, тоже могут быть и общерусскими, и местными. По подсчетам ученых, их в русском языке насчитывается свыше ста тысяч. В них выражены мудрость народа, его ум и сметливость, трудовой и исторический опыт, способности и характер, любовь к Родине, ненависть к ее врагам, готовность защищать Отчизну. В пословицах и поговорках отражены представления людей о добре и зле, о чести и бесчестии, о правде и лжи, о смелости и трусости, дружбе и вражде и о многом-многом другом, с чем неразрывно связана народная жизнь.

И все это неоценимое познавательное и нравственно-богатство заключено в яркую форму кратких и выразительных предложений (пословицы) или словосочетаний (поговорки). Сравните: *Родная сторона — мать, чужая — мачеха. С родной земли умри — не сходи. Без дела жить — только небо коптить. Где работа, там и густо, а в ленивом доме пусто. Дело мастера боится. Золотые руки у того, кто обучился хорошо. Кто хочет много знать, тому надо мало спать. Без терпенья нет ученья.*

Пословицы, поговорки — наиболее распространенное и доступное каждому средство усиления смысла и выразительности речи. Высоко ценил русские пословицы выдающийся писатель нашего времени М. А. Шолохов. В предисловии к сборнику В. И. Даля «Пословицы русского народа» (М., 1957) он писал: «Никогда не померкнет наша патриотическая гордость, закованная в булат таких пословиц: *«Наступил на землю русскую, да оступился. С родной земли умри — не сходи. За правое дело стой смело».*

Богат и выразителен язык русского народа. Это неоднократно отмечали лучшие представители русской и советской классической литературы. «Нет слова, — писал Н. В. Гоголь, — которое было бы так замашисто, бойко, так вырывалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово».

Великий русский критик В. Г. Белинский, как бы подтверждая слова Н. В. Гоголя, замечал: «... в народной речи есть своя свежесть, энергия, живописность...».

Восхищался метким народным словом Н. А. Некрасов. В поэме «Кому на Руси жить хорошо» он рассказал, как крестьяне смотрели в ярмарочном балагане «комедию с Петрушкой»:

И часто в речь Петрушкину
Вставляют слово меткое,
Какого не придумаешь,
Хоть проглоти перо!

С глубоким чувством отзывался о народной речи и Л. Н. Толстой: «Что за прелесть народная речь! И картинно, и трогательно, и серьезно».

Вечным источником, пополняющим неоглядный океан русского языка, считал народную речь известный советский писатель Константин Паустовский: «Неиссякаемый источник языка — сам народ: крестьяне, паромщики, пастухи, пасечники, охотники, рыбаки, старые рабочие, мест-

ные объездчики, бакенщики, кустари, сельские живописцы, ремесленники и все те бывалые люди, у которых что ни слово, то золото».

В подобных отзывах и оценках, а их можно было бы значительно увеличить, отмечены и неисчерпаемое богатство русской народной речи, и ее неповторимая самобытность.

Многое из того своеобразного, что характерно для языка русского народа, бытует и известно не везде, а лишь в отдельных местностях, на отдельных частях тех громадных пространств, где живет русский народ и где распространен русский язык.

ГОВОРЫ — ПОГОВОРЫ

В предисловии к этой книге было обращено внимание на то, что красная смородина в русском языке имеет не менее десятка наименований. Ее называют и *жостыль*, и *кислица*, и *киселка*, и *княжиха*, и *команка*, и *лядунца*, и *поречка*, и *сестрянка*... Список этот здесь далеко не полон.

Любопытно, что каждое из подобных названий как бы

закреплено за определенной местностью, за определенной территорией. В результате то или иное из приведенных наименований оказывается обычным и привычным в одном месте, но неизвестным и неупотребляемым в других. Так, жителями ряда местностей Владимирской области для обозначения красной смородины используется слово *жостыль*. Но это слово не только не употребляется, но и не будет понято русскими, проживающими, скажем, в Карельской АССР. В свою очередь, владимирцы, услышав от жителей Карелии слово *сестрянка* в значении «красная смородина», едва ли сочтут его названием ягоды.

В чем дело? Почему одна и та же ягода имеет так много разных названий в русском языке? Почему русское слово, употребляемое в одном месте, оказывается неупотребляемым и даже непонятым в другом?

Просторы нашей Родины велики. На тысячи и тысячи километров раскинулась она с запада на восток и с севера на юг. Посмотрите на карту. С севера на юг, с востока на запад идут необъятные пространства.

Велики просторы нашей страны. И многое оказывается своеобразным и часто неповторимым в разных местах ее «необъятнейших пространств». Так, безлесные южные степи постепенно сменяются на этих пространствах бескрайней северной тайгой. Равнины и низменности чередуются с возвышенностями и горными хребтами. Субтропики в Причерноморье. Районы вечной мерзлоты в Заполярье. И обширные территории умеренного климата между ними...

Распространенный на этих громадных пространствах русский язык оказывается тоже не во всем одинаков.

Конечно, не приходится доказывать, что основа русского языка повсеместно едина. Едина в том главном, что дает возможность всем пользующимся этим языком понимать друг друга. Едина в той мере, что, скажем, коренной москвич может свободно общаться с коренным жителем Вологодской или Ростовской области. А они, в свою очередь, без особого труда могут разговаривать друг с другом.

Но уже пример с названием красной смородины показывает, что в русском языке имеются и некоторые территориальные различия, существуют местные языковые особенности.

В результате русская речь коренных жителей той или иной местности так или иначе может отличаться от русской речи коренных жителей других мест.

Местные языковые особенности русского языка имеют различный характер. Среди них есть такие, которые связаны с употреблением слов и относятся к числу словарных, или лексических. Есть такие, которые проявляются в произношении, в звуковом оформлении слов, и относятся к числу фонетических. Немало и таких, которые связаны с грамматикой — с изменением слов в речи, с построением словосочетаний и предложений, т. е. имеют морфологический или синтаксический характер.

Важнейший отличительный признак всех местных языковых особенностей — ограниченность территории их распространения и бытования, их необщерусский характер.

Описанию наиболее распространенных местных языковых особенностей русского языка в значительной мере посвящены последующие главы книги. Поэтому здесь ограничимся одним примером.

В упоминавшейся уже повести Виктора Астафьева «Последний поклон» читаем:

Мелкая скотина загнана во дворы. Коров подоили и отпустили в ночное, чтоб овод не одолевал. За поскотиной слышалось грубое бряканье ботал и тилиликанье колокольцев. За заплотом нашего двора, под навесом, зашевелились куры, одна упала с шеста, пробовала закудаhtать, но петух угрюмо на нее прорычал, и сонная курица, не решаясь взлететь, присела на землю. Не загнал я куриц в стайку, пробегал, завтра гляди да гляди — в огород заберутся, яйца в жалице снесут...

Обычная картина сельского вечера. Каждый читающий этот отрывок воспринимает ее достаточно конкретно и наглядно. И прежде всего потому, что для этой словесной зарисовки писатель использовал такие широко распространенные общерусские слова, как *дворы, коровы, скотина, ночное, кудаhtать, куры, петух, огород...*

Среди слов, показывающих связь описываемого в отрывке с сельской жизнью, есть и такие, как *поскотина, ботало, заплот, стайка, жалица...* Однако читателю лишь по общему содержанию текста приходится догадываться, что *поскóтина* — это «место, где пасется скот, пастбище возле деревни»; *бóтало* — «большой колокольчик, привязываемый к шее пасущихся коров или лошадей»; *заплóт* —

«забор возле дома»; *ста́йка* — «хлев для мелкого скота и птицы»; *жа́лица* — «крапива»...

Догадываться о значении таких слов многим читателям приходится потому, что слова эти не являются общерусскими. Они распространены и употребляются в основном в русской речи к северу и к северо-востоку от Москвы, на Урале, в Сибири. В то же время на территориях, находящихся к югу и к западу от Москвы, а также в русском литературном языке они или совсем не используются, или используются, но в ином, чем только что отмечено, значении. Поэтому их вполне можно отнести к числу местных словарных особенностей русского языка.

Местные, территориально ограниченные явления в русском языке в общей сложности оказываются и довольно многочисленными, и разнообразными. Не только по своему языковому характеру, но и по степени распространенности, по географии своего бытования, наконец, по происхождению.

Обычно в каждой местности, где бытует русский язык, существует свой «набор» местных языковых особенностей. Они как бы наслаиваются на общерусскую основу русской речи данной местности, придают ей своеобразную местную окраску.

Русскую речь той или иной местности в сочетании ее общерусских и местных особенностей и принято называть местным говором или диалектом. Другими словами, местный говор—это местный вариант, местная (территориальная) разновидность русского языка.

Говоры характерны прежде всего для сельской местности. Их много. Недаром старинная русская поговорка гласит: *Что ни село, то говор*. И это не удивительно. Ведь иногда достаточно всего лишь несколько отличительных особенностей в речи жителей того или иного селения, чтобы можно было говорить об особом говоре. Поэтому нередкими оказываются и такие случаи, когда даже в соседних селениях бытуют разные говоры.

Обычны, однако, и случаи, когда один и тот же говор распространен во многих селениях достаточно обширной территории.

Любопытно, что в разных местах русскую речь с присутствующими ей местными особенностями иногда и называют по-разному. Так, в северных областях для этого употребляются слова *говóря*, *говóрка*, к югу от Москвы — *гу́тор*, *гу́торка*, а в Забайкалье — *поговóр*.

Какова роль местных говоров в русском языке?

Отвечая на этот вопрос, следует иметь в виду, что русский язык как язык русского народа сложен по своему строению. Сложность эта проявляется уже в том, что в нем имеется несколько составных частей, или разновидностей. К их числу относятся прежде всего русский литературный язык и местные русские говоры.

Главную разновидность русского языка, его высшую форму составляет литературный язык. Именно на литературном языке пишутся книги, издаются газеты и журналы, составляются разнообразные документы. Это язык, которым пользуются в учебных заведениях и в государственных учреждениях, язык радио и телевидения, кино, театра...

Употребление литературного языка подчинено достаточно строгим правилам, или нормам. Они не имеют каких-либо территориальных различий. Поэтому литературный язык одинаков на севере и на юге, на западе и на востоке. Он имеет общерусский характер.

В отличие от литературного языка, как уже говорилось, говоры представляют собою лишь местные (территориальные) разновидности русского языка.

И русский литературный язык, и местные русские говоры существуют на протяжении веков. При этом местные говоры в своем существовании предшествовали русскому литературному языку.

Длительное время местные говоры обогащали русский литературный язык. Они были теми ручейками и родниками, которые, по образному выражению писателя В. Крупина, «питали полноводную реку общерусского языка».

Местные говоры и теперь содержат немало «языковых россыпей», которые обеспечивают яркость и самоцветность русской народной речи. В них и до настоящего времени сохраняются многие самобытные и точные слова, образные выражения, пословицы, поговорки, в той или иной мере обогащающие русскую речь. Нередко их с успехом использовали и используют в художественных произведениях многие известные наши писатели и поэты.

Однако в последние десятилетия местные говоры все больше уступают место русскому литературному языку. Обусловлено это многими причинами. И прежде всего интенсивным развитием науки, техники, культуры, коренным изменением условий жизни советских людей, непрерывным ростом их благосостояния. Сближаются условия жизни в городе и деревне. Осуществляется всеобщее среднее образование. Огромное количество людей оканчивает

высшие и средние специальные учебные заведения. Повсеместно и прочно вошли в жизнь радио, кино, телевидение. Массовыми тиражами издаются книги, газеты, журналы.

В результате русский литературный язык стал наиболее распространенной формой русского национального языка, основным средством общения русского народа.

Основным, но не единственным. С той или иной степенью сохранности на многих территориях, прежде всего в сельской местности, существуют еще и местные говоры.

Среди их отличительных особенностей есть такие, которые, как уже говорилось, могут обогатить русскую речь. Но одновременно есть и такие, которые не употребляются и не могут употребляться в русской литературной речи. Обычно они наблюдаются в речи людей старшего возраста — коренных жителей той или иной местности. Под воздействием литературного языка такие особенности постепенно выходят из употребления.

А пока они сохраняются, их следует рассматривать как естественные, исторически развившиеся языковые явления.

Общие представления о местных говорах и их наиболее распространенных особенностях необходимы каждому грамотному человеку. Для того чтобы полнее и разностороннее знать свой народ. Чтобы полнее и лучше знать язык своего народа. И не только лучше знать, но и лучше владеть им.

Среди многочисленных русских говоров выделяются говоры северных территорий (северные говоры), говоры южных территорий (южные говоры) и распространенные между ними говоры срединных (центральных) территорий (среднерусские говоры). Подробнее об этом будет рассказано в главе «Вологодские — рязанские...» (см. с. 84—89).

А сейчас подробнее познакомимся с некоторыми наиболее распространенными диалектными явлениями, встречающимися в разных говорах русского языка.

«СЛОВА-ТО ВСЕ КАКИЕ...»

Русский язык — один из богатейших языков мира по своим словарным запасам. Его словарь составляют сотни тысяч самых разнообразных слов.

Среди громадного количества русских слов, которые употребляются повсюду, где звучит русская речь, и имеют

общерусский характер, оказывается немало и таких, которые известны и используются не повсеместно, а лишь на той или иной территории, в той или иной местности. В отличие от общерусских такие слова языковеды выделяют в особый разряд, называя их местными или диалектными.

Местных слов в русском языке очень и очень много. При внимательном и умелом наблюдении в каждой местности их можно выявить десятки и даже сотни. А в общей сложности в русском языке их тысячи. Здесь можно указать, в частности, что только в издающемся в настоящее время многотомном «Словаре русских народных говоров» предполагается объяснить около ста пятидесяти тысяч диалектных слов.

Как известно, слова очень часто имеют не одно, а несколько разных значений, т. е. обладают многозначностью. Многозначность слов широко представлена в русском языке. При этом она интересна не только сама по себе, но и тем, что отдельные значения многозначных слов также могут иметь местный, диалектный характер.

Так, на первой странице этой книги упоминались слова *селезень, стрелка, струна*. Общерусские их значения хорошо известны. Но писатель Виктор Астафьев использовал эти слова в особом и очень своеобразном значении — «середина, стрежень реки, стремнина». Это значение указанных слов писатель не придумал, а подметил в народной речи. Оно является местным, диалектным, а потому и не отмечено в словарях русского литературного языка. Ведь такие словари предназначены прежде всего для объяснения общерусских, а не местных слов и значений.

Здесь естественно возникают вопросы о том, почему существуют местные слова и местные значения общерусских слов. Следует сказать, что ответить на такие вопросы не просто. Хотя бы уже потому, что местные различия в языке, в том числе и словарные, обусловлены не одной, а, как правило, многими причинами.

Но все же рассмотрим здесь некоторые из возможных причин возникновения местных слов.

Определенная часть таких слов появляется в связи с необходимостью называния тех или иных «местных» предметов. Дело в том, что во многих местностях имеются характерные только для них предметы, явления, виды деятельности. Но раз местным является называемое, то, естественно, нередко местным оказывается и называющее — слово.

В стихотворении Сергея Есенина «Письмо матери» читаем:

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне...

Слово *шушун* здесь означает «особого покроя женское платье, обычно из грубого белого холста». Во времена С. Есенина, в начале нашего века, такие платья обычно носили пожилые женщины в деревнях и селах к югу от Москвы, в том числе и в Рязанской области, откуда был родом поэт. Такое платье не имело повсеместного распространения. Местным оказалось и слово, его называющее.

У современной поэтессы Ольги Фокиной в стихотворении «Печное» есть такие строчки:

Здравствуй, печка-матушка...
В прежнем, не новом
Опечке бордовом,
С ласковой Муркой
В беленькой печурке...
С голбцем-лежанкой,
Мягкой, нежаркой...

Что это за *опёчек бордовый* и *го́лбец-лежанка*?

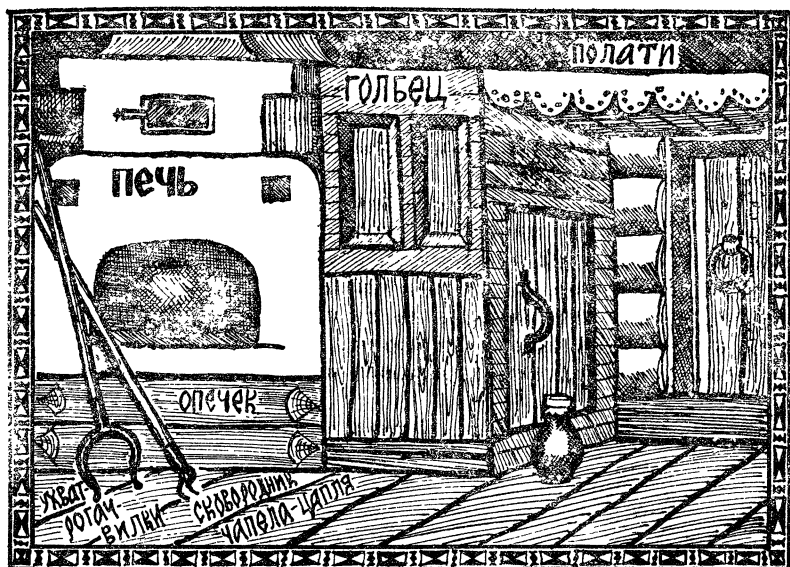
Большую русскую печь в избе обычно ставят на высоком деревянном срубе, который нередко красят темно-красной (бордовой) краской. Такое печное основание-фундамент на севере и называют *опечком*.

Там же, в северных областях, часто устраивают дощатый пристрой к одной из боковых сторон печи. Верхний настил такого пристроя используют как место для отдыха и обогрева. А под настилом обычно находится вход в подполье. Это и есть *голбец*. Для севера характерны опечки и голбцы. Там распространены и слова, их обозначающие.

Местных слов, служащих для именованя местных предметов, в русском языке много.

Но еще больше таких, которые, будучи местными, называют широко распространенные и известные предметы, явления, действия.

Почему возможны местные названия одного и того же предмета, действия в одном и том же языке? Часто потому, что люди, проживающие в разных местах, выделяют

в называемом разные признаки и по ним именуют предметы или действия в целом.

Многим известен гриб *подоси́новик*. Это название его обусловлено тем, что гриб хоть и не всегда, но часто растет под осинами, вблизи осин. По месту произрастания в данном случае он и был поименован.

В некоторых местах подосиновик называют *красным грибом*, *красноголовиком*, *толстокоренником*. Основой двух первых названий здесь послужил красный цвет шляпки подосиновика. А в последнем случае — относительно толстая ножка — «корень» гриба.

Возможность называть одни и те же предметы по разным признакам — одна из причин существования местных названий.

Иногда местные различия в назывании одного и того же предмета обусловлены использованием разных словообразующих приставок и суффиксов. Так, в качестве наименований того же гриба подосиновика в некоторых местах используются слова *краси́к*, *красови́к*, *крася́к*. Нетрудно заметить, что возникли все эти названия на основе одного и того же признака. Но это разные слова, так как строение их различно: *крас-ик*, *крас-овик*, *крас-як*.

Наблюдаются и такие случаи, когда в какой-то мест-

ности сохраняется древнее название предмета (явления, действия). А в других получает распространение новое его наименование.

В одних русских говорах используется исконно русское слово-название. А в других закрепляется слово-название, перенятое из иного языка, который бытовал или бытует в этой же местности.

Эти и некоторые другие причины и создали то многообразие местных названий, которое является одной из ярких особенностей русского языка.

Местные слова в русском языке не только многочисленны, но и разнообразны по своему содержанию. Среди них, в частности, можно выделить:

названия различных природно-географических объектов и явлений;

названия жилых и хозяйственных построек, их разновидностей и частей;

названия некоторых предметов домашнего обихода и домашней утвари;

названия продуктов питания и кушаний;

названия старинной одежды и обуви;

названия домашних и диких животных и птиц;

названия, связанные с различными ремеслами;

названия, характеризующие человека по его деятельности, особенностям характера, поведения, отношения к другим людям;

названия, обозначающие различные признаки и действия;

местные устойчивые выражения типа пословиц и поговорок и т. д.

Диалектные слова, как и слова литературного языка, могут быть многозначными. Так, например, в некоторых северных говорах словом *остóжьё*¹ называют: 1. Огороженное место, где стоит стог сена. 2. Изгородь из жердей вокруг стога сена. А вот слово *кúхтá* в ряде верхнекамских русских говоров имеет не менее трех значений: 1. Снег на ветвях деревьев. 2. Нарост в виде мха на стволах и ветвях хвойных деревьев. 3. Слои пыли, выделившейся при трепании льна.

Еще более разнообразные, а иногда и прямо противоположные значения может иметь одно и то же диалектное

---

¹ Некоторые диалектные слова, употребляясь в разных говорах, могут иметь разное ударение. В подобных случаях здесь и далее в словах ставятся два ударения.

слово, употребляющееся в разных говорах. Упомянувшееся уже слово *кислица* в ряде русских говоров, как отмечалось, обозначает красную смородину. Вместе с тем имеется немало и таких русских говоров, в которых этим словом называется широко известное растение щавель. Употребляемое в русском литературном языке слово *боровик* «белый гриб» известно и во многих говорах. Но в разных местах носители разных говоров *боровиками* могут называть не белые грибы, а или подосиновики, или подберезовики, или даже рыжики, растущие в бору.

Познакомимся несколько подробнее с некоторыми группами соотносительных по значению слов. Часть рассматриваемых словарных групп состоит только из диалектных слов. Часть — из литературных и диалектных. При этом по отношению к строго литературной речи сопоставляемые литературные и диалектные слова не являются синонимами. Но в некоторых речевых условиях, например в художественных произведениях, они иногда синонимизируются.

Ознакомление с такими рядами слов, бесспорно, расширяет представление о словарных богатствах русского языка, русской народной речи.

Говорить — баять — гутарить

К числу наиболее употребительных и частотных слов русского языка относятся слова, обозначающие процесс говорения. В русском литературном языке такими словами являются прежде всего глаголы *говорить*, *сказать*, *разговаривать*. Достаточно указать здесь, что по частотности использования в речи слова *сказать* и *говорить* занимают соответственно третье и четвертое место среди всех глаголов русского языка.

Несмотря на исключительно большую употребительность слов *говорить* и *сказать* в русской речи, в местных русских говорах имеется немало и других глаголов с тем же значением. Среди них довольно широко распространены такие, как *баять*, *гутарить*, *балакать*, *бахорить*, *калякать*.

При этом слова *баять*, *бахорить* характерны преимущественно для русских говоров северных территорий, а *гутарить*, *балакать* — для южных. В то же время глагол *калякать* обычен для многих поволжских говоров.

первое является типично южнорусским. О территориальном распространении некоторых диалектных слов со значением «говорить», «разговаривать» смотрите карту на с. 22.

Дом — изба — хата

Наличие жилища — необходимое условие человеческой жизни. По-разному строили и строят люди свое жилье. Это зависит и от природно-климатических условий, где они живут, и от исторически сложившихся традиций, от эпохи, от экономических возможностей и других причин.

Так, в северных и центральных областях нашей страны, где много лесов и более суров климат, с древнейших времен строились жилища и хозяйственные помещения бревенчатого типа. В южных степных районах, где климат мягче и лесов меньше, издревле сооружались более легкие строения. В дореволюционное время они нередко имели стены из плетня или нетолстых бревен-жердей, обмазанных глиной.

Неодинаково в русском языке назывались жилища. В настоящее время с этой целью привычно и повсеместно используется слово *дом*. Со значением «строение» оно известно во многих языках, родственных русскому, что и является одним из доказательств его древности.

К северу и к востоку от Москвы, во многих центральных областях для именованя жилого строения в сельской местности обычным оказывается слово *изба*. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (14-е изд. М., 1983) об этом слове так и написано: «**Изба́.** Деревянный крестьянский дом». Используется это слово и для обозначения внутреннего помещения, жилой части крестьянского дома. С этим вторым значением употребляет, в частности, слово *изба* писатель Федор Абрамов в повести «Деревянные кони»:

Ах, какой это был дом! Одних только жилых помещений в нем было четыре: изба-зимовка, изба-летняя, вышка с резным балкончиком, горница боковая...

Большие, просторные, нередко двухэтажные деревянные дома на севере, в Архангельской и Вологодской областях, и до сих пор иногда называют *хорóмами*, *хорóминами*.

Дом Степана Андреяновича, большая двухэтажная хоромина с малой боковой избой, выходит на улицу взвозом — широким бревенчатым настилом с перилами, по которому в прежнее время гужом завозили сено да солому на сеник.

(Ф. Абрамов. Братья и сестры.)

К югу и особенно к юго-западу от Москвы жилища в сельской местности нередко называют словом *хата*. А на Дону и на Кубани, наряду со словом *хата*, в этом же значении нередко употребляется слово *курень*. Так, в книге М. А. Шолохова «Поднятая целина» читаем:

И на другой день он, Макар Нагульнов, атаманец Любишкин, Тит Бородин и еще восемь человек фронтовых казаков с утра собрались возле Андреевой хаты.

А в другом месте этой же книги вместо слова *хата* писатель употребляет слово *курень*:

Жизнь в Гремячем Логу стала на дыбы, как норовистый конь перед трудным препятствием. Казаки днем собирались на проулках и в куренях, спорили, толковали...

Кроме Дона и Кубани, слово *курень* раньше встречалось и во многих других русских говорах. При этом в разных говорах значения его были довольно различны. Оно могло означать «помещение для скота», «место, где жгли уголь» и др. Однако в настоящее время такие значения этого слова в большинстве своем устарели и вышли из употребления.

Предполагают, что по происхождению слово *курень* связано с тюркскими языками (к ним относятся, в частности, татарский, башкирский, казахский, туркменский и другие языки) и первоначально, в древности, могло означать «место укрытия; стан, лагерь».

Чердак — вышка — горйще

По своему устройству сельский дом представляет собой достаточно сложное сооружение. Кроме жилой части, в нем имеются помещения самого разнообразного назначения. Многие из таких помещений в разных русских говорах и называются по-разному.

Так, в северных и центральных областях, как правило, оборудуется особое помещение под полом. Обычно оно используется для хранения различных продуктов, картофеля, овощей. На севере это помещение называют словом *го́лбец*, в средней полосе — где *поды́збица*, где *подпол* (*подполье*). Последние слова легко объяснимы в своем происхождении. Более сложно в этом отношении слово *голбец*. По мнению некоторых лингвистов, в древности оно могло употребляться со значением «отделение; то, что отделено». И лишь позднее у него могли возникнуть те значения, которые указаны здесь: «подполье; вход в подполье».

И в северных избах, и в южных хатах имеется помещение, пространство между крышей и потолком. В разных северных говорах это или *вышка*, или *голубница*. А в южных — *горйще*, *горá*, *потолк*, *подловка* и даже *подволока*.

Основа большинства из этих названий достаточно очевидна. *Вышка* — «высокая, верхняя часть дома, избы, строения». *Голубница* — «место, где могут водиться голуби». Признак высоты содержится и в названиях *гора*, *горйще*. *Потолок* — в данном случае «место над потолком». Сложнее объяснить происхождение слова *подловка*. Не исключено, что оно связано со словом *лоб*, которое в русской народной речи употреблялось и со значением «пе-

редняя часть крыши». Отсюда возможным было *подлобка* — «пространство, место под крышей» — с более поздним превращением в *подловка*. Но это предположение нуждается в дополнительной проверке.

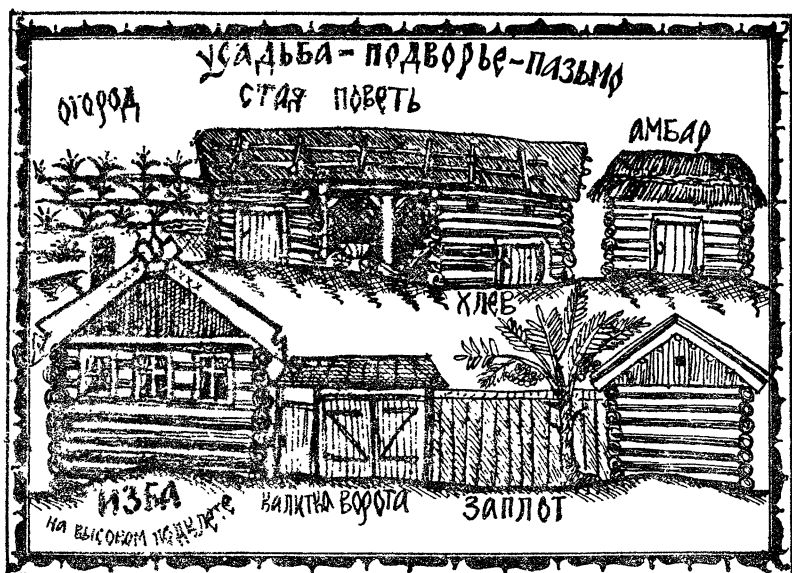
В русском литературном языке в указанном значении употребляется слово *чердак*. Пришло оно к нам из тюркских языков, в которых у него имеются и такие значения, как «балкон», «верхняя комната». И то и другое из этих значений указывает на помещение в верхней части дома. На этой основе у слова и развилось значение, свойственное ему в русском языке.

Сарай — повесть — пуня

В числе построек на крестьянском дворе обязательно были такие, которые предназначались для хранения сельскохозяйственного инвентаря, сена, соломы.

На юге и в центральных областях с этой целью использовалось отдельное строение или навес во дворе. На севере таким хозяйственным помещением служил второй этаж скотного двора, вплотную примыкающего к дому.

Общерусским словом для называния таких построек является слово *сарай*. В северных и центральных облас-

тях в этом значении обычно используется слово *поветь*, в западных и в южных — *пуня*.

В настоящее время на поветях нередко хранят различный домашний скарб. Севернорусскую поветь довольно подробно описал в повести «Деревянные кони» писатель-северянин Федор Абрамов.

С поветью меня познакомил Максим в первую очередь, и, помнится, я просто ахнул, когда увидел, что там было. Целый крестьянский музей!

Рогатое мотовило, кросна — домашний ткацкий станок, расписная прялка-мезеха (с Мезени), трепала, всевозможные коробья и корзины, плетеные, из сосновой дранки, из бересты и корья, берестяные хлебницы, туеса, деревянные некрашенные чашки, с какими раньше ездили в лес и на дальние сенокосы, светильник для лучины, солонки-уточки и еще много всякой посуды, утвари и орудий труда...

С тех пор я редко не заглядывал на поветь. И не потому, что эта ожившая старина для меня внове. Я сам вышел из этого деревянного и берестяного царства. Внове была для меня красота точеного дерева и бересты. Вот чего я не замечал раньше.

И *поветь*, и *пуня* — древние слова. А потому и не просто определить, когда и как они появились в русском языке. Высказывалось мнение, что они могли возникнуть из ранее существовавших слов, в древности употреблявшихся со значением «веять, провеивать». Поэтому первоначально оба эти слова могли указывать «место, где веют зерно; постройку для провеивания зерна». И лишь позднее получили тот более широкий смысл, с которым используются в настоящее время.

Хлев — стая — катух

В сельских дворах, как правило, имеются различные постройки для содержания домашнего скота, нередко — особые для коров, овец, свиней, птицы. Общим и наиболее распространенным названием помещения для скота в русском языке является слово *хлев* (в местных говорах часто — *клев*). На многих территориях, преимущественно северных, в этом значении используется слово *стая* (*стайка*): *Не загнал я куриц в стайку, пробегал, завтра*

гляди да гляди — в огород заберутся, яйца в жалице несут. В. Астафьев. Последний поклон.)

К югу и юго-западу от Москвы помещения для скота часто называют словами *заку́т, заку́та, кату́х*. А на Дону с близким значением употребляется еще и слово *баз*: *В катухе, внутри заваленном обрушившимся прикладом кизяка, стоял на табурете зажженный фонарь, возле него на корточках сидела жена Лукашки... За нею в самом углу на чистой соломе, как видно только посланной, топтался сытый боров.* (М. Шолохов. Поднятая целина.) *Дома Кондрат зашел на баз к быкам, подложил им в ясли (в кормушки. — В. Б.) охапку сена; вспомнив, что завтра вести их на общий баз, набрал огромное беремья сена...* (Там же).

Севернорусское *стая* (*стайка*), как считают некоторые языковеды, исторически связано с глаголами *стать, стоять*. Не исключено, что первичным значением слова *стая* было «место стояния, стоянка». Но уже в древнерусском языке ему было свойственно и значение «хлев».

Южнорусское *баз* (*базок*) соотносится с калмыцким словом *баз* «скотный двор» и, вполне вероятно, имеет нерусское происхождение.

Забор — заплот — плетень

В сельской местности издревле строились и строятся различные изгороди, ограждения. Они необходимы, чтобы отделить дворы от улицы, предохранить от скотины овощные и картофельные огороды, сады, поля, покосы, участки леса. В зависимости от местоположения и назначения изгороди, ограждения делаются из разных материалов, строятся по-разному. По-разному и называются.

«Изгородь в лесу, — замечает Василий Белов в книге «Лад», — называлась осеком, в поле — огородом или пряслем, около дома — палисадом, тыном, частоколом, забором». Добавим к этому, что забор возле дома на севере часто называют *заплотом*.

Осек в лесу обычно делают из подрубленных и заломленных на высоких пнях деревьев. Очевидно, что наименование такой лесной изгороди связано с глаголами *сечь, осекать* («рубить, подрубать»). В северных лесах осеки нередко тянутся на большом протяжении и иногда оказываются своеобразными путеводителями для заблудившихся. Об этом пишет в стихотворении «Осеннее» вологодская поэтесса Ольга Фокина:

Красно солнышко ушло —
Осень.
Будь мне верным посошком,
Осек.
Нет от солнышка теперь
Толку.
Вся надия (надежда. — В. Б.) на тебя
Только.
Хоть и старец ты — беда —
Хилый.
Заблудиться мне не дай,
Милый.
Возле правой будь руки
Сбоку.
Воротиться помоги
К сроку.

Огороды, или *прясла*, состоят из жердей, которые закрепляются горизонтально между кольями с помощью гибких прутьев. Вполне возможно, что само слово *прясло* по происхождению связано с глаголами *прясть*, *пряду* в их древнем значении «натягивать, обтягивать».

Для южных, степных территорий раньше были более характерные *заборы* — плетни из горизонтально заплетенных между кольями прутьев. Нередки там и ограждения из вертикально закрепленных прутьев — палок, называемые *тыном*.

Усадьба — одвóрица — пáзьмо

Заслуживают внимания и слова, обозначающие место, на котором находится сельский дом со всеми дворовыми постройками и огородом.

В русском литературном языке таким словом является слово *усадьба*. В широко известном «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (14-е изд. М., 1983) это слово так и объясняется: «отдельный дом со всеми примыкающими строениями, угодьями».

Но *усадьба* — не единственное слово в русском языке с таким значением. В разных русских говорах по смыслу к нему близок и целый ряд других слов. В говорах Среднего Поволжья, например, это *усáд* и *пáзьмо*. В Вологодской, Кировской, Пермской и других областях севера и востока — *одвóрица*. А вот к югу от Москвы, в частности в некоторых говорах Рязанской области, таким словом оказывается слово *место*.

Широко распространяется в таком значении, попадая даже на страницы газет, журналов и книг, слово *подворье*: *Сергей внес предложение — наделить приусадебными участками тех фронтовиков, у кого своего подворья не имелось...* (С. Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды.)

Горшок. Ладка. Емки

Среди местных слов, различающих русские говоры, многие относились к домашнему быту сельских жителей. Сближение условий жизни в городе и селе содействовало тому, что немало таких слов вышло из активного употребления, так как ушли в прошлое предметы и понятия, с ними связанные. Но часть относящихся к сельскому быту местных слов сохраняется и теперь.

Кринка — глечик — балакирь

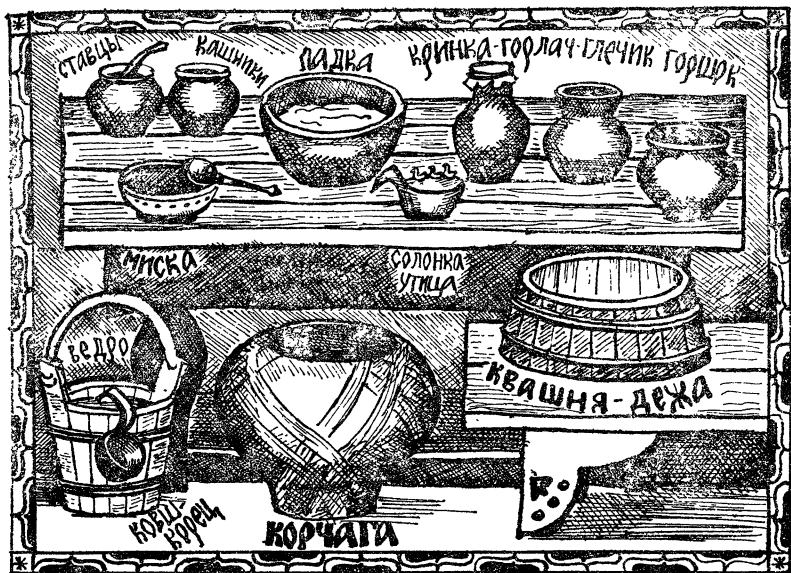
Для хранения продуктов, приготовления пищи используется самая разнообразная посуда. В том числе гончарная, которую делали из глины, а затем обжигали. Особенно широкое распространение гончарные изделия получили в сельской местности. Они имели разное назначение, разные размеры и формы. Василий Белов в книге «Лад» пишет:

Большие, наподобие кувшинов, с узкими горлами сосуды назывались корчагами. В них хранили зерно и другие сыпучие продукты. Кринка, глазурью облитая по краям, вмещала ведро воды и служила для выпечки пирогов. Горшки всяких размеров, мелкие ставцы, поставцы или кашники использовались для варки пищи и разлива молока, оставленного на сметану и простоквашу... В рыльниках сбивали сметану на масле, в ладках — широких и глубоких глиняных тарелках — жарили-парили еду для будней и праздников.

Здесь следует отметить, что указанные писателем названия глиняной посуды характерны прежде всего для тех мест Вологодской области, где он проводил наблюдения.

В других русских говорах только что перечисленные виды посуды нередко называются по-другому. А отмеченные слова-названия могут иметь другие значения.

Так, например, в разных местностях для хранения молока употребляются высокие глиняные горшки с несколь-

ко суженной верхней частью объемом до двух литров. Во многих северных областях такой горшок называют *кринкой*, в южных — *горлачём* и *гличиком*. А в Поволжье в этом же значении распространено слово *балáкирь*.

В то же время нельзя не указать, что если вологжане (как у Василия Белова) словом *кринка* именуют большие гончарные сосуды объемом до ведра воды, то в других местах этим словом называется сосуд и меньшего объема, и иной формы, и иного назначения (горшок для молока).

У вологжан *ладка* — это «широкая и глубокая глиняная тарелка» (точнее — «миска»). А на Урале *ладкой* называют также и «глиняную посуду с расширяющимся верхом для замешивания теста», т. е. то, что вологжане именуют *кринкой*.

Эти примеры достаточно наглядно показывают и разнообразие местных слов для обозначения посуды, и возможное несовпадение их значений даже на не очень удаленных территориях.

Происхождение части «посудных» названий достаточно очевидно и не нуждается в особых объяснениях. Так, слово *кашник* «горшок для каши» образовано от слова *каша*; *горлач* «узкогорлый горшок для молока» — от *горло* и т. д.

Однако среди многих названий этой группы немало и таких, происхождение которых не столь очевидно. В ряде случаев даже языковеды объясняют их лишь предположительно.

Так, слово *корчага* «большой глиняный горшок» довольно широко распространено в русских говорах. Но единого объяснения его происхождения нет. По одному из предположений, исторически оно связано с древним славянским словом *корк* «шея» и первоначально означало «сосуд с узким горлом» (как и *горлач*).

Непростым для объяснения происхождения оказывается и слово *кринка* «высокий с несколько суженным верхом горшок для молока». Не исключена историческая связь его с южнорусским *криница* «родник, ключ, источник». Но какое из двух значений — «источник» или «сосуд» — является первичным, пока не установлено.

Распространенное на юге слово *гличик* по возникновению более определенно связывают с южнорусским же словом *глей* «глина, глинистая почва». Отсюда *гличик* в его первичном, исходном значении и можно истолковать как «сделанный из глины, глиняный».

А вот поволжское *балакирь* «горшок для молока», видимо, относится к числу слов, усвоенных этими говорами из других, возможно тюркских, языков.

Квашня — дѣжа

Теперь сельские жители, как и горожане, обычно пользуются покупным хлебом. А еще сравнительно недавно многие в деревнях пекли хлеб дома. Для приготовления хлебного теста в домашних условиях использовались деревянные кадушки. В русском литературном языке и в северных говорах их называют *квашней*, а в южных — *дѣжой*.

Касьян задержался в дверях, глядя, как мать, засучив рукава под самые подмышки, обнажив иссохшие, сквозившие синевой руки, низко повязанная платком, тискала кулаками тесто... Время от времени она заморенно выпрямлялась, но так до конца и не выпрямившись согбенной спиной, поочередно снимала с кистей, как рукавицы, белые шматы теста, шлепала ими в дежу, соскребала о край ладони...

(Е. Носов. Усвятские шлемоносцы.)

И *квашня*, и *дежа* относятся к числу древних слов русского языка. При этом слово *квашня* по происхождению связано с такими словами, как *квас*, *квасить*, *квашеный*, т. е. «кислый». В исходной основе *квашня* означает: «посуда для квашения (брожения, окисления) теста».

Слово *дежа* исторически, видимо, возникло на основе встречающихся лишь в родственных языках слов со значением «смазывать, замазывать; месить».

Ковш — корёц

При отсутствии водопровода в доме воду для повседневных нужд носят ведрами из колодца, из реки или родника, а теперь и из колонок.

Из ведер воду часто черпали и черпают ковшем. Одно из объяснений связывает это слово с древнерусским *ковец* «род сосуда». Последнее же возводят к глаголу *ковать*: *ковш* — значит «кованый, сделанный ковкой». Ведь и в современном русском языке *ковать* — «придавать раскаленному металлу нужную форму ударами молота или пресса».

Слово *ковш* используется не только в русском литературном языке, но и во многих русских говорах. Однако на юге в этом значении чаще употребляется слово *корец*, которое, как считают, по происхождению связано со словом *кора*. Отсюда — исходное, первичное значение слова *корец* — «сделанный из коры».

Сковоро́дник — ча́пельник

Приспособление, с помощью которого ставят сковороду в печь или на плиту, несложно по устройству. Конструкция его хорошо известна и повсюду примерно одинакова. А названия и у этого нехитрого приспособления в разных местах различны. В русском литературном языке это *сковородник*. В говорах же, преимущественно южных и западных, это и *ца́пка*, и *ца́пля*, и *чепелá*, и *ча́пельник*. Местные названия сковородника, по всей вероятности, связаны с глаголом *цанать* / *чанать* «хватать». Поэтому *чепельник* — это «то, чем хватают, держат», т. е. «сковородник».

Здесь уместно заметить, что и *ухват*, которым ставят в печь и вынимают из печи горшки и чугуны, в южных говорах называется где *рогачо́м*, где *рогúшам*, где *вёл*

ками, где емк^ами. Последнее из этих названий образовано от корня -ем-/ -им- со значением «брать, взять». Отсюда емк^й — «то, чем берут (горшок, чугу^н)». Ну а рог^ач, рог^уша, в^йлки, как нетрудно определить, соотносятся соответственно со словами рог и вилка.

Ватрушка — шаньга — калитка

Во все времена значительная часть человеческого труда была направлена на добывание и хранение продуктов питания, на приготовление пищи.

Неудивительно, что и в словарном составе языка большое количество слов представляет собой наименования продуктов питания, многочисленных разновидностей пищи, способов и действий, связанных с ее приготовлением.

Наряду с общерусскими, литературными, в русском языке среди таких слов немало и местных, диалектных. Рассмотрим здесь лишь некоторые из слов этой группы.

Хлеб

С древнейших времен хлеб занимает едва ли не главное место в питании человека. Об этом говорят десятки пословиц, созданных о нем. Среди них: *Без хлеба нет обе-*

да. Без соли не вкусно, а без хлеба не сытно. Рыба — вода, ягода — трава, а хлеб — всему голова. Хлеба ни куска, так и в тереме тоска, а хлеба край, так и под елью рай. Всегда помни: хлебну кроху уронить да не поднять — в жизни удачи не видать.

Древен продукт, именуемый хлебом, — древним является и само слово, называющее этот продукт. Языковеды считают, что слово это исконно для славянских языков. Однако общепризнанного ответа на вопрос, как произошло слово *хлеб*, пока нет.

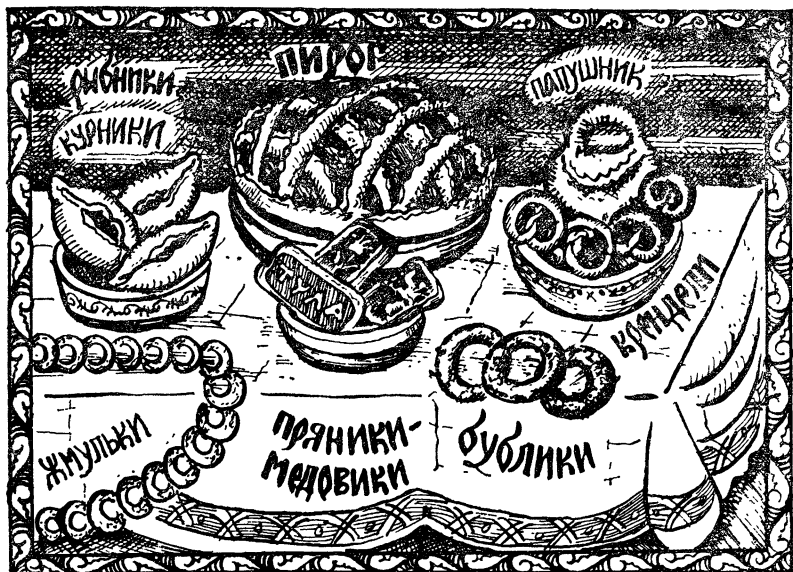
В русских говорах многочисленны слова для называния разнообразных хлебных изделий. Вот некоторые из них.

Сітнік, папўшнік, бітень, взды́мнік, пше́нічнік... — названия хлеба из пшеничной муки.

Опáлыш, па́ліха, окурéнь, пресне́ц, корж... — так называют лепешки из кислого или пресного теста, которые обычно пекутся на жару во время топки печи.

Блинцы́, тоньцы́, табані́, олябыши... — этими словами в разных говорах именуют блины, оладьи.

Сгйбень, защйпок, кўрнік, рьбнік, гўбнік... — названия разновидностей пирогов.

Жемки, орехи, жаворонки, пряженники, медовики, жмюльки, козули... — пряники и разные печеные изделия из теста.

Олег Ларин в книге «Мезенские сюжеты» (М., 1980) так писал о северных козулях из теста:

Что такое козуля? Съедобная скульптура, ржаное печенье. А точнее — козел, петух, корова, гусь, баран, олень, выпеченные из жидкого теста и приправленные черной патокой из сахара, гвоздикой и корицей... В настоящее время обычай выпекать козули почти повсеместно вышел из употребления и встретить его можно разве что здесь, на Мезени...

Шаньга — калитка — куженька

Шаньга, калитка, калитовка, кулик, куженька, мандрыка, наливка... — так в разных местах называют ватрушки и их разновидности. *Шаньги* — это в Предуралье, на Урале и в Сибири; *калитки* — в Заонежье; *мандрыки* — на юге...

Анатолий Онегов, описывая в книге «Вода, настоящая на чернике» (М., 1983) природу и людей Заонежья, так рассказывает о заонежских калитках:

Пожалуй, нет в северных лесных поселениях ни одного стола, где бы ни подавались калитки. Если вы знакомы с уральскими шаньгами, то дополнительных объяснений, что такое калитки, почти что не требуется. Тот же кружок кислого, круто замешанного теста из ржаной муки, те же загнутые сковородочкой края и так же, как уральские шаньги, заполняются эти ржаные сковородочки начинкой. А потом противень, хорошо вытопленная печь, и через пятнадцать — двадцать минут появляется на столе ароматное печенье...

Как и уральские шаньги, калитки начиняются и картошкой, но здесь, в Заонежье, традицией, пожалуй, считается все-таки пшенная каша — этим, собственно говоря, и отличаются калитки от уральских шанег.

В свою очередь, уроженец Урала поэт Анатолий Азовский в стихотворении «Шаньга», посвященном сестре, пишет:

Я приеду к тебе, приеду,
Всем делам своим вопреки.
Ты, как мама когда-то, к обеду
Шанег с творогом напеки...
Напеки, сестра, поусердствуй,
Как у нас в Полевском пекут.
Их и тут испекут соседки,
Да ватрушками назовут.

Названия многих изделий из теста, встречающиеся в русских говорах, достаточно прозрачны и очевидны по своему происхождению. А поэтому и не нуждаются в сколько-нибудь пространных объяснениях. Сравните: *опалыш* от *опалить*, *окурень* от *окурить* (дымом), *преснец* от *пресный*, *тоньцы* от *тонкий*, *сгибень* от *сгибать*, *защипок* от *защипать* и т. д.

Но среди хлебных названий, в том числе и местных, немало и таких, происхождение которых с трудом поддается объяснению.

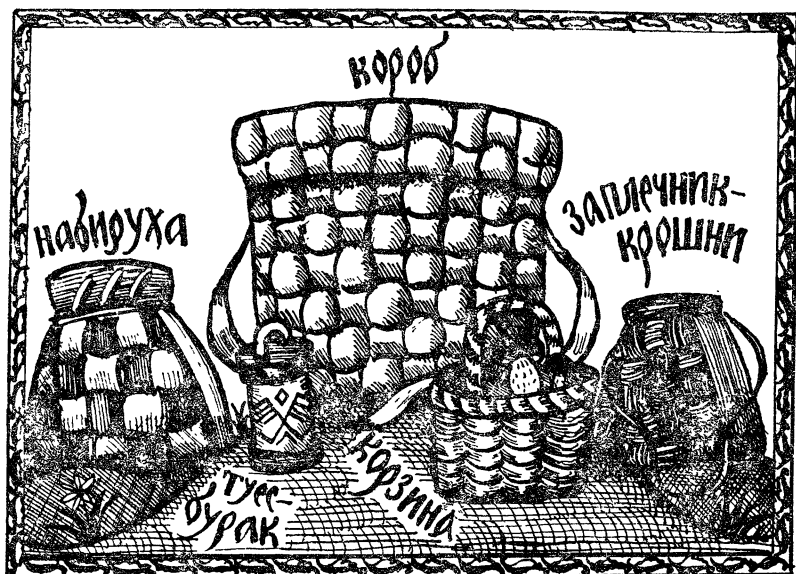
Ватрушка. Надежного объяснения происхождения слова пока нет. По одному из предположений, его основой могло быть слово *ватра* «огонь», которое встречается в украинском, чешском и в других славянских языках. В этом случае название могло быть связано с признаком «испеченная на огне». Высказывались, правда, и другие мнения о происхождении этого слова. Но только что указанное представляется наиболее убедительным.

Калитка. Как полагают, слово могло быть связано в своем происхождении с глаголом *калить* «нагревать, разогревать на огне». При таком объяснении слово *калитка* по исходному значению оказывается близким слову *ватрушка* в том объяснении его происхождения, которое только что было указано.

Шаньга. Происхождение слова не совсем ясно. Предполагается, однако, что оно попало в северные русские говоры из соседних нерусских языков. С таким же значением, как и в русских говорах, распространено оно, в частности, в языке коми.

Лукошко — кузовок — зобенька

В лесных местах у нас издавна изготовляли всякие поделки из лесных материалов. Распространенными, в частности, были разные изделия для сбора и переноски «даров

леса» — ягод, грибов, трав; для переноски и хранения различных продуктов и вещей.

Изготавливались такие предметы из гибких прутьев, из обработанной коры — луба, из тонкой щепы — драмки, из бересты и других материалов. Это *корзины* и *кузова*, *туесá* и *пестеря*, *кросни* и *лукóшки*. Были такие изделия разной формы и устройства: продолговатые и круглые, большие и маленькие, с открытым верхом и с крышками, с ручками-перевяслами и с ляжками для ношения в руке или за спиной...

Различаясь назначением и материалом, из которого изготавливались, формами и размерами, способами переноски, такого рода изделия и в одном говоре, естественно, назывались по-разному. А в разных говорах даже однотипные предметы нередко имели разные названия. В результате в русском языке оказался не один десяток слов для именованя подобных предметов.

Так, наряду с литературным *корзина* в говорах известны и многие другие слова с таким же или близким значением. Это *зобня* и *мостина*, *набируха* и *плетенца*, *плетюха* и *плетюшка*, *грибóвня* и *верюга*, *беркун* и др.

В некоторых из этих названий нетрудно выявить признак, на основе которого они возникли. *Грибóвня* — это

«для грибов», *набируха* — «для сбора чего-либо», *плетеница* — «плетеная» и т. д. В то же время в словах *беркун*, *верюга*, *зобня* доказательно выявить «называющий» признак пока затруднительно. Хотя не исключено, что слово *зобня* связано со словом *зоб* «часть пищевода у птиц». А оба эти слова соотносятся с севернорусскими *зобь* «еда, пища, корм» и *зобать* «есть, кормиться; клевать (о птицах)». Отсюда *зобня* — это «корзина для корма, то, во что кладут корм».

А вот *верюга*, видимо, восходит к употреблявшемуся в некоторых говорах глаголу *верать* «совать, вкладывать, прятать». Если это так, то *верюга* в своем исходном значении — «то, во что суют, складывают какую-либо поклажу».

Словами *туес*, *бурак*, *боровок*, *порочка* называют берестяные сосуды круглой формы с крышкой и ручкой. Олег Ларин в книге «Мезенские сюжеты» спрашивает:

Что такое туес? Берестяное ведро, если хотите. Или баклага, бурачок, порочка. В разных местностях, где растет береза, его называют по-разному. В туесах грибы солят и капусту на зиму квасят... Посуда прочная, стерильная, непромокаемая — ничего не гниет, не киснет и не преет...

Наконец, *кузовки*, *пестеря*, *крошни*, *лукошки* — это разновидности коробов и сумок с ляжками. В них раньше носили небольшую дорожную поклажу, ходили с ними за грибами и ягодами. Все они характерны прежде всего для лесных северных и восточных областей.

Из слов последней группы *лукошко* относится к числу исконно русских по происхождению. Оно родственно слову *лук* в значении «приспособление для метания стрел в виде гибкой дуги, стянутой тетивой». Дело в том, что оба они связаны с древним корнем *лук-*, имевшим некогда значение «кривой, согнутый». Ведь *лукошко*, по объяснению в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, — «гнутой коробок, кузовок... из дранки, лубка, бересты...». Таким образом, и лукошко, и лук как предметы обладают тем признаком кривизны, гнутости, по которому и были поименованы.

Севернорусское *крошни* «заплечная корзина», видимо, представляет вторичное, переносное, производное значение слова *крошни* «плечи, заплечья, спина». Сравните встречающееся в говорах словосочетание *носить на закрошках* «носить на плечах, за спиной».

Пока не все ясно в происхождении слов *бурак*, *пестерь*. А вот слово *туес*, как считают языковеды, перешло в севернорусские говоры из языка коми, в котором оно имеет такое же значение.

Новинá. Пóжня. Зеленá

Древнейший вид человеческого труда — сельскохозяйственный. Он обеспечивает людей продуктами питания и многим из того, без чего невозможна повседневная жизнь.

Неудивительно поэтому, что в словарном составе русского языка множество слов связано с сельскохозяйственным трудом. Значительная часть их входит в словарный состав русского литературного языка, является общерусской. Но среди слов этой группы немало и таких, которые употребляются в той или иной местности, на той или иной относительно ограниченной территории.

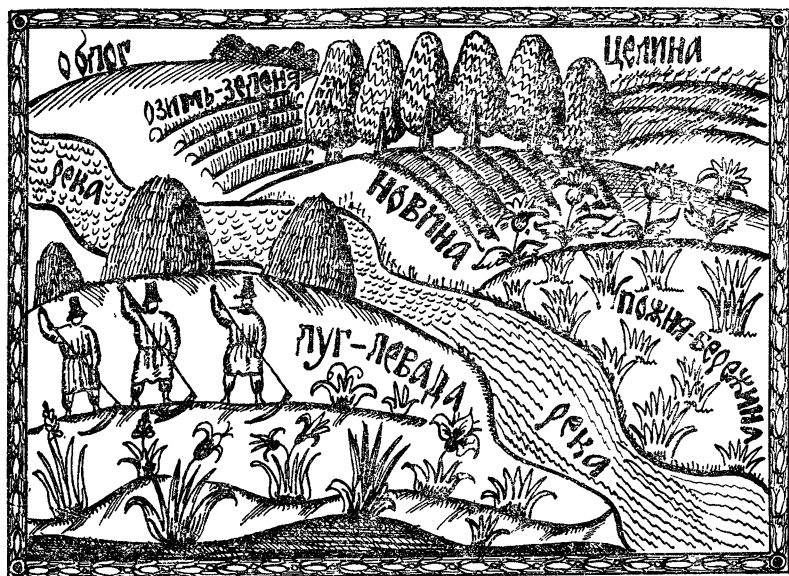
За годы Советской власти в нашей стране коренным образом изменились основы сельскохозяйственного производства. В результате многие местные слова, связанные с сельским хозяйством, вышли из употребления. Но некоторая часть их сохраняется в русских говорах и до сих пор. Познакомимся несколько подробнее с отдельными из них.

Целина — новинá — облóг

Земледельцы различают и оценивают землю по разным признакам, в том числе и по тому, обрабатывалась земля или нет. А если обрабатывалась, то когда и как. Та земля, которая совсем не пахалась, в русском литературном языке называется *целиной*. В названии этом как бы особо выделяется признак целостности, нетронутости земли обработкой. Землю, которую длительное время не пахали, называют *залежь*.

Распаханные целина и залежь дают высокие урожаи. Поэтому в пятидесятые годы по решению партии и правительства была проделана громадная работа по освоению целинных и залежных земель в Казахстане, в Сибири, на Алтае.

Наряду со словами *целина*, *залежь* в южных говорах нередко используются слова *облог* (*облога*), *перелог* «запущенная, заросшая травой пашня». Однокоренные слова

эти тоже указывают на признак «облежалости, перележалости, залежалости» земли.

В северных говорах вновь распаханную землю, как и расчищенную из-под леса и впервые подготовленную к распашке, нередко называют *новиной*. Федор Абрамов в книге «Братья и сестры» пишет:

Целые поколения пекашинцев ни зимой, ни летом не расставались с топором, вырубали, выжигали леса, делали расчистки, заводили скудные, песчаные да каменистые пашни. И хоть эти пашни давно уже считаются освоенными, а их и поныне называют новинами или навинами. Таких навин, разделенных перелесками и ручьями, в Пекашине великое множество. И каждая из них сохраняет свое изначальное название. То по имени хозяина — Оськина навина, то по фамилии целого рода, или печища по-местному, некогда трудившегося сообща, — Иняхинские навины...

На севере же в этом значении использовались раньше слова *чищоба* «расчищенная из-под леса земля для пашни» и *подсэка* «земля для пашни, на которой лес был подсечен (срублен), выкорчеван и сожжен».

Луг — пожня — левáда

Сено для домашних животных с древнейших времен заготавливают на лугах. Правда, теперь с этой целью используют также и специально сеянные на полях травы.

Под луга обычно оставляют безлесные травянистые части земли, преимущественно низинные, в заливаемых во время половодья долинах рек.

В северных говорах, наряду со словом *луг*, известны и другие слова с близким значением. Среди них — *пожня* «луг, покос, сенокос, травное место», *бережина* «прибрежный луг, пожня», *наволок* «прибрежный луг, наносный, заволакиваемый во время половодья наносом».

В рассказе Федора Абрамова «Последняя отрада» есть эпизод, в котором председатель колхоза уговаривает старого колхозника не продавать корову.

«Ты же с тоски помрешь без своей скотины! — говорит председатель. — Чем жить-то будешь? О чем заботиться? А что касаясь сена, то вот тебе за труды твои колхозные — бережина ниже перевоза, как раз напротив твоего дома. Правда, пожня малость подзаросла кустом, но это уж твоя забота — при желании за одну весну расчистить можно».

Синонимичность слов *бережина* и *пожня*, употребляемых здесь в значении «прибрежный луг», не вызывает сомнений. Достаточно прозрачны эти слова и по происхождению, по заключенному в них называющему признаку. Так, *пожня* связано со словами *жать*, *жну* «срезать, срезаю» (например, косой-горбушей). *Бережина* — это, как уже говорилось, «участок прибрежного луга, луг по берегу». А *наволок* — «заволакиваемый наносом во время половодья участок прибрежного луга».

Во многих южных говорах, в том числе на Дону и на Кубани, известно слово *левада* в значении «луг, покос, пастбище». Там же оно используется и в значении «огород при доме, сад». Именно в этом, последнем значении употребляет его М. А. Шолохов в рассказе «Алешкино сердце»:

Ни роду у Алешки, ни племени. Именья — одни каменья, а хату и подворье еще до смерти мать пораспродала соседям: хату — за девять пригоршней муки, базы — за пшено, левáду Макарчиха купила за корчажку молока.

Слово *левада* по происхождению связано с греческим языком, в котором и теперь используется в значении «луг, равнина».

Озимь — зеленя́

И. С. Тургенев в авторском примечании к одному из рассказов в «Записках охотника» писал: ... *при жесточайших морозах до самого конца декабря не выпало снегу; зеленя все вымерзла, и много прекрасных дубовых лесов погубила эта безжалостная зима.*

Речь в этом примечании к рассказу идет о вымерзании всходов озимых (осенних) посевов. Но вместо литературного *озимь* писатель, уроженец бывшей Орловской губернии, хорошо знавший орловские говоры, употребил местное слово *зеленя*. Оно и теперь нет-нет да и встретится на страницах художественных произведений. Поэт Владимир Михалев, живущий в Белгородской области, написал стихотворение, которое так и назвал — «Зеленя». В нем есть такие строчки:

Проедусь поздними полями,
Весь обойду озимый клин,
Любуясь вдоволь зелеными,
Покуда снег не завалил.

Жнивье́ — стерня́

Оба эти слова означают «поле, на котором сжат хлеб», а также «солому, нижние (корневые) остатки стеблей после жатвы». Но если *жнивье́* по происхождению связано с северными говорами, то *стерня́* — с южными. Оба слова относятся к числу древних в русском языке. *Жнивье́* восходит, как нетрудно определить, к глаголам *жать*, *жну* «срезать, срезаю» и буквально означает «срезанное». А *стерня́*, по мнению лингвистов, связано с древним корнем *стер-* в значении «твердый, грубый, торчащий». Все эти признаки достаточно ярко проявляются у остатков сжатых хлебных стеблей в поле.

В настоящее время и *жнивье́*, и *стерня́* используются не только в местных говорах, но и в русском литературном языке. Правда, второе — *стерня́* — более характерно для речи специалистов-полеводов.

Стог — зарод — одóнок

Сено, солому, сжатый, но не обмолоченный хлеб обычно складывают для хранения в кучи — клады разной формы и размеров. В русском литературном языке их называют словами *стог*, *омёт*, *скирд*. В северных говорах — *зарод*, *озород*. В южных — *одонок*, *одонье*.

Стог — это высокая круглая кладь сена. В стог сено укладывается вокруг крепко вбитого в землю шеста, необходимого для устойчивости стога. На севере такие шесты называют *стожарами*. *Стог* — древнее слово. Языковеды сопоставляют его с греческим словом *stego* «покрываю», с литовским *stogas* «крыша, кровля» и другими подобными словами родственных языков. Вполне вероятно, что первоначально в древности слово *стог* могло означать нечто «покрытое» (сравните, например, покрытый сеном (травой) островерхий конусообразный шалаш).

Скирд и *скирдá*. Так называют большую продолговатую кладь соломы, сена, необмолоченного хлеба. В русский язык слово попало, видимо, из литовского, в котором имеется сходное по звучанию и значению слово *stirta*. В русском употреблении слово, как полагают, несколько видоизменило свое звучание, из *stirta* превратилось в *скирда*. Первоначально оно было распространено преимущественно на западных и южных территориях нашей страны. И лишь позднее утвердилось в русском литературном языке.

Омёт. Большая кладь сена, соломы, обычно продолговатой формы. Родственно слову *метать* в значении «складывать». Исходной основой названия является признак «обметанности, сложенности, уложенности».

Зарод и *озород*. Это «большой продолговатый стог сена с острым верхом и покатыми боками». Слова эти встречаются преимущественно в северных областях, в Сибири. Рассказывая о своем военном детстве, которое прошло в Новосибирской области, Анатолий Черноусов пишет в повести «Чалдоны»:

Когда мы подогна́ли табун к разливу, доярки еще воровчали тяжелые навильники сена длинными трехрожковыми вилами — довершивали зарод. Они поставили этих зародов много, хотя работали одни, без мужиков... Завершив зарод и набросав на него березовых ветренок, доярки подходили к телеге — молотанке, к стаду. Лица у них были прокаленные солнцем, усталые.

Одонок и *одонье*. Во многих южных говорах в значении «стог, кладь сена, необмолоченного хлеба» распространены слова *одонок* и *одонье*. В их основе лежит слово *дно* (сравните: *дно* — *донный* — *одонок*). Дело в том, что сено, солома, а тем более необмолоченный хлеб укладываются не прямо на землю, а на подстилку, своеобразное «дно» из хвороста или жердей. По исходному значению *одонок* — «имеющий дно, находящийся на дне (на подстиле)».

Гумно — ток

Убранный с поля хлеб нередко приходится дополнительно обрабатывать: подсушивать, провеивать, сортировать... Для обработки хлеба с давних времен крестьяне подбирали ровные сухие места, где расчищали площадки для обмолота снопов, строили сараи для защиты зерна от непогоды, а раньше — и особые печи для сушки снопов.

Такое место для обработки убранного с поля хлеба в русском языке обычно называлось *гумном*. А расчищенная и утрамбованная площадка на гумне, на которой непосредственно молотили снопы, именовалась *током*.

В художественной литературе, описывающей русскую деревню даже начала нашего века, нередки упоминания и о гумнах, и о токах. Так, в повести Николая Рыленкова «Сказка моего детства» читаем:

Но вот все луга уже убраны. Отец чистит на гумне ток, осматривает и протапливает овин, мать с невесткой отправляются в соседнюю деревню, в кузницу, зубрить серпы. Приближается бабья пора — жатва!

В настоящее время слово *ток* получает более широкое значение и постепенно полностью заменяет собою слово *гумно*.

Считают, что *ток* — звукоподражательное слово и возникло на основе звуков, равномерно издаваемых цепями при ручной молотье снопов в давние времена — *тук-ток*. Вместе с тем *гумно* по исходному значению — «место, где скотина мнет, топчет скошенный хлеб». В минувшие времена существовал и такой способ молотьи. О нем и хранит память слово *гумно*. Ведь оно, как считают лингвисты, включает в себя два древних корня — *гу-* и *-мн-*. Первый из них связан со значением «скот», второй — со значением «мять, мнет». На этой основе в древности и появилось указанное значение слова.

Некогда в отдельных русских говорах вместо слова *ток* в значении «площадка для молотбы» употреблялись слова *толока́, ладонь, долонь*. Они давно вышли из употребления в указанном значении, но любопытны своим происхождением. *Толока* возникло, видимо, на основе глагола *толкать* «ударять, толочь, мять». Отсюда *толока* в первичном значении — «место, где толкут, мнут, молотят». *Долонь* — древнее слово и связано с существительным *дол* «низ». Ну, а *ладонь*, по всей вероятности, представляет собою слово, образовавшееся в результате перестановки слогов в более древнем слове *долонь* (*долонь* — *лодонь* — *ладонь*).

Овѣн — рѣга — клѣня

Лишь достаточно сухое зерно можно хранить долго. Однако хлеб с полей приходится убирать и в ненастное время. В таких случаях его необходимо подсушивать. Для этого теперь используют специальные сушильные агрегаты.

А раньше для сушки снопов и их обмолота на гумнах нередко сооружали особые постройки, часто со специальными печами. Называли их *овинами, рѣгами, клѣнями*.

Забытые вехи, заглохшие дали
Давно прожитого,
Да грубый осколок музейной пищали,
Да чье-нибудь слово...
За пряслом овина, в лесном сельсовете
Такое бывает:
Проснется былина, усядутся дети,
А день догорает.
Из новых колосьев, из древней печали
Завяжется слово —
И вот уже снова гонцы прискакали
С нагорий былого...

(Н. Тряпкин.)

Рѣга отличалась от овина большей простотой устройства. В ней, в частности, в отличие от ямного овина не было ямы (ямника) для печи или костра, теплом которого сушились снопы.

Оба слова встречались как на северных, так и на южных территориях. Иногда они употреблялись в одном и том же говоре, что, естественно, было связано с некото-

рыми изменениями их значений. Так, в частности, в книге писателя Юрия Бородкина «Кологривский волок» читаем:

Ночи в эту пору темные, но, если кто припозднится в дороге, не беда: в любой деревне можно зайти в овин, отдохнуть и побеседовать с каким-нибудь старичком. В Шумилине, например, овины обычно топил Никита Соборнов. В костре у него картошка печется, так что и подкрепиться можно на дорожку.

Молотили в Ступневой риге. Придут утром бабы, набросают из овина на ладонь горячих, окуренных дымом снопов, уложат их вдоль риги колосьями в середину и начнут выстукивать в четыре молотила. Работа эта требует особой сноровки и даже музыкальности слуха, потому что стоит одному из молотильщиков сбиться с ритма, как все пойдет вразнобой.

Здесь *овин* — «помещение для сушки снопов», а *рига* — «примыкающий к овину молотильный сарай».

К юго-западу от Москвы в значении «молотильный сарай» распространено было слово *клубя*. Не исключено, что своим происхождением оно обязано литовскому языку, в котором *klupas* значит «ток».

Пёвень. Пару́нья. Ка́ныш

Разведение домашних животных и птицы, уход за ними, получение и обработка разнообразной животноводческой продукции составляют один из древнейших видов человеческого труда.

Понятно поэтому, что слова, относящиеся к животноводству и птицеводству, многочисленны в русском языке. Среди них немало общерусских, входящих в словарный состав русского литературного языка. Но есть и местные, употребляемые лишь в тех или иных русских говорах.

Петух — ко́чет — пёвень

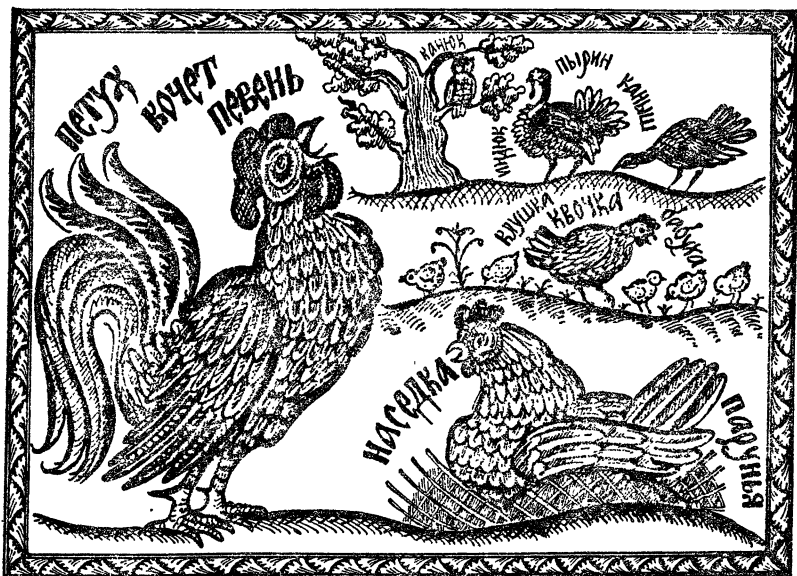
Слово *петух* — широко распространенное слово русского языка. Оно образовано от глагола *петь* и по называющему признаку равнозначно существительному *певец*. По этому же признаку *петух* называется и во многих русских говорах. Но в них часто наблюдаются свои особенности в образовании названия.

Так, по сведениям диалектолога Н. А. Липовской, к северо-западу от Москвы, в частности в пределах Псковской, Новгородской областей, наряду со словом *петух*, нередко употребляется и слово *петун*. На северо-восточных территориях, в Костромской и Ярославской областях, в западных районах Вологодской области, обычными оказываются слова *пеун* и *певун*. А на юго-западе от Москвы, в западных районах Брянской области, как и в соседних белорусских и украинских говорах, используется слово *певень*.

В то же время в русских говорах к югу и юго-востоку от Москвы широко распространено слово *кочет*. Характерно оно, в частности, для донских говоров, о чем можно судить и по произведениям М. А. Шолохова. Вот один из примеров использования писателем этого слова в романе «Поднятая целина»:

На заре, проснувшись, выходит на баз и вдруг слышит диковинное: обобществленные, ночующие в одном сарае кочета ревут одновременно разноголосым и мощным хором. Кондрат, удивленно раскрыв опухшие глаза, минуты две слушает сплошной, непрекращающийся кочетиный крик и, когда торопливо

затишает последнее, запоздавшее «ку-ке-куу...», сонно улыбается: «Ну и орут, чертовы сыны! Чисто — духовая музыка...»

Считается, что по происхождению слово *кочет* связано с употреблявшимся в древнерусском языке в значении «петух» словом *кóкот*. А это последнее, в свою очередь, возникло как слово звукоподражательное. Сравните петушное *ко-ко-ко*.

Наседка — парунья

Курицу, высиживающую цыплят, в русском языке обычно называют *наседкой*, а ту, которая вывела цыплят и ходит с ними, — *клушкой*.

В разных русских говорах, наряду со словом *наседка* или вместо него, употребляют слова *парунья*, *паруха*, *паруша*. Нетрудно заметить связь этих названий с глаголом *пáрить* в значении «греть, прогревать». Таким образом, по исходному значению *наседка* — это курица, «насиживающая яйца», а *парунья* — «парящая, греющая» их.

Слову *клушка* в некоторых говорах соответствуют слова *квокша*, *квочка*, *бабуха*. Не вызывает сомнений, что первые три из этих четырех слов возникли на звукоподражательной основе и своей корневой частью как бы воспроизводят звуки, издаваемые курицей-клушкой. А слово *бабуха*, образованное от слова *баба*, скорее всего имеет первичное значение «воспитывающая, выхаживающая».

Индюк — пырин — каныш

Это крупная домашняя птица с пышным оперением разводится во многих местах. Но в разных местностях ее нередко и называют по-разному. В русском литературном языке устойчиво закрепилось слово *индюк*. В нем и сейчас достаточно заметна связь со словом *Индия*. Дело в том, что в Европу эту птицу привезли в XVI веке из Вест-Индии, как тогда называли Америку. По данному признаку птица и была поименована.

Но в русских говорах известны и такие названия индюка, как *курун*, *пырин*, *кан*, *каныш*, *каплун* и некоторые другие. Первое из них указывает на родство этой птицы с курами. Второе — *пырин* — скорее всего является звукоподражательным и отмечает своеобразие производимых индюками звуков. Встречается это слово в русских гово-

рах к юго-востоку от Москвы, в частности в говорах Поволжья.

Слова *кан* и *каньш* характерны преимущественно для южных говоров. Не исключено, что они родственны словам *канюк* и *каня*, которые в разных говорах употребляются для обозначения различных птиц. В некоторых говорах *канюк* — это «небольшой филин». Допустимо, что в основе слов *каньш* и *канюк* лежит древнее звукоподражательное слово *кан* «звук, крик».

Бодать — брухать — пырять

Рогатые животные (коровы, овцы, козы) в борьбе с противником, как известно, колот, бьют его рогами (лбом). Это их действие в русском языке обозначается разными словами.

Так, в русском литературном языке и в большинстве северных говоров с этим значением используется глагол *бодать* (*бодаться*). От него образовано прилагательное *бодливый* «привыкший, склонный бодаться». Сравните в пословице: *Бодливую корову из стада вон*. Возник глагол *бодать* на основе древних слов со значением «колоть, толкать, ударять».

В южных говорах со значением «бодать, колоть рогами» распространен глагол *брухать* (*брухаться*). В основе современного значения этого слова, как считают, могли быть такие более древние значения, как «бросать, сбрасывать, обрушивать».

В русских говорах Среднего Поволжья со значением «бодать» утвердилось слово *пырять*. Допустима связь его по происхождению с глаголом *пороть* в значении «тыкать, резать чем-то острым».

Сузём. Журавлиха. Рогоз

Исключительно богат и разнообразен растительный мир нашей Родины. Общее количество известных у нас растений составляет не одну тысячу. Это деревья, кустарники, травы. Культурные и дикорастущие, съедобные и лекарственные, сельскохозяйственные и декоративные...

Очень разнообразны и названия растений. Наряду с научными и принятыми в русском литературном языке имеется большое количество местных, или, как иногда говорят, народных, наименований растений. По мнению язы-

коведа В. А. Меркуловой, специально изучавшей народные названия растений, общее число их в несколько десятков раз превышает число самих растений. Изучая народные названия растений, В. А. Меркулова установила, что одних только наименований грибов в русском языке насчитывается свыше трехсот пятидесяти.

И неудивительно. Ведь один только белый гриб по разным русским говорам имеет более полутора десятков наименований. В их число входит: *бабка* и *белоголовик*, *боровик* и *дорогой гриб*, *вешкарь* и *ковыл*, *медвежник* и *пан*, *толкач* и *целик*, *коровка* и *коровик*, *короватик* и *коровак*.

О последнем из перечисленных названий интересно рассказал в книге «Васильки во ржи» писатель-кировчанин Павел Маракулин. Однажды ему посчастливилось найти в лесу богатое месторождение белых грибов.

Но гордостью Колумба, счастьем первооткрывателя белогрибных месторождений тешиться пришлось недолго. В один роковой день все кончилось: вместо белых грибов на березовом острове я увидел лишь коровьи следы. Оказывается, после того как соседние ржаные поля были сжаты, сюда определили пасти

местное стадо. А наши истобенские лесные коровы — известные поклонницы грибов. Они прорвались через болотную перемышку и подчистую, как языком, «слизнули» мои белые. Даже корешков не оставили, с землей выгрызли каждый гриб. Не случайно в наших деревнях белые грибы так и принято называть — коровенники.

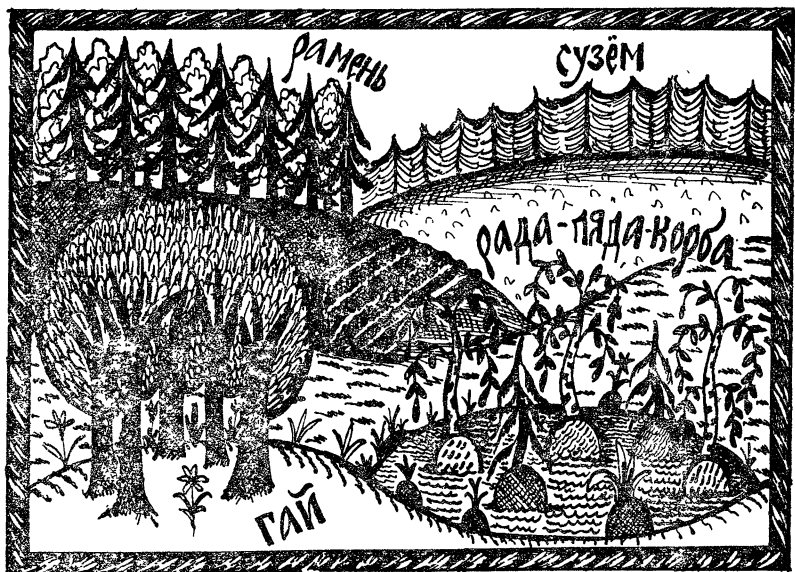
Познакомимся для примера хотя бы с некоторыми группами названий, относящихся к миру растений. В том числе и народных, местных.

Лес — сузём — гай

Хвойные, лиственные и смешанные. Сосновые и ольховые, березовые, дубовые и липовые... Дремучие и редколесные, высокие корабельные и мелкие низкорослые...

Обширнейшие территории нашей страны занимают леса. Они разнородны по породам и качеству деревьев, по местам произрастания, по величине занимаемых территорий, по многим другим признакам...

Отсюда множество «лесных», то есть связанных с лесом, слов в русском языке. В том числе общерусских, ли-

тературных, и местных, народных. Живописность таких «лесных» слов, как *осинник, мелколесье, чапыга, мишара, гари, чернолесье, пустошь, опушка, березняк, порубка, корьё, живица, просека, дубрава*, в свое время отмечал большой знаток и мастер русского слова писатель Константин Паустовский.

Только для именованя глухого дремучего леса в русском языке используются слова *кóрба, пúща, рáмень, сузём, тай, тайгá, тáйбола* и др. Рассмотрим некоторые из них поподробнее.

Сузём. Так в Архангельской, Вологодской и в других северных областях называют большой глухой лес, в котором нет ни населенных пунктов, ни вообще какого-либо жилья. Такое определение сузёму давал в повести-сказке «Корабельная чаща» замечательный советский писатель Михаил Пришвин:

Пусть и наш лес велик, но если в нем хоть одна деревенька или село, это уже не сузём. Так говорят на севере, проходя деревню на берегу зеленого моря сузёма:

Последнюю деревню проходим.

И это значит, что дальше будет только сузём, и в нем уже больше нет ни деревень, ни дорог и ничего человеческого, кроме общей тропы и охотничьих путиков с их маленькими курными избушками.

Вологодский писатель Анатолий Петухов написал для детей повесть, которую назвал «Люди сузёмья». Само по себе это название не очень понятно. Но после сказанного здесь о сузёме оно становится вполне очевидным: *люди сузёмья* — это люди лесного края. Ведь *сузёмье* и есть «лесной край».

В русские говоры слово *сузём* проникло из распространенных на севере финно-угорских языков, в которых оно используется также со значением «лесная глушь».

Пуща. В значении «лесные заросли, непроходимый лес» это слово встречается в южных и западных говорах. Сравните также известное название *Беловежская Пуща*. В указанном значении оно было известно уже в древнерусском языке. Предполагается, что по происхождению слово *пуща* связано со словом *пустой*. Своим исходным значением слово указывало на пустоту, т. е. необжитость, безлюдность большого дремучего леса.

Рамень, раменье. Эти слова известны в русских говорах центральных и восточных областей. На разных тер-

риториях их значения не всегда совпадают. В разных говорах они могут обозначать: 1. Лес возле поля, вдоль поля, пашни. 2. Смешанный лес, состоящий из деревьев разных пород; чернолесье. 3. Густой, дремучий лес; лесную, непроезжую глушь.

С этими значениями слово *рамень* стало основой многих географических названий типа *Раменское, Раменка, Красная Рамень, Черная Рамень* и др.

По происхождению слово *рамень* могло быть связано с существовавшим в древнерусском языке словом *рамян* «большой, огромный, обильный, сильный».

Тайга. Широко известное слово. Входит в словарный состав русского литературного языка. Но употребляется для называния обширных лесов преимущественно Сибири и Дальнего Востока.

Происхождение слова не вполне ясно. По одному из предположений считается, что оно связано с тюркскими языками. Первоначально, видимо, имело значение «скалистые горы», затем — «лес на горах, горный лес» и лишь позднее приобрело современный смысл, с которым и закрепились в русском языке.

Из множества «лесных» слов остановимся здесь еще на некоторых.

Ра́да. Ля́да. Ко́рба. Леса нередко находятся в низменных, болотистых местах. Они тоже имеют свои наименования. Так, на севере, например в Архангельской области, их называют словом *рада*. М. М. Пришвин в повестисказке «Корабельная чаша» следующим образом характеризовал архангельскую раду.

Река Пинега (правый приток Северной Двины. — В. Б.) начинается в сузёме двумя речками: одна река Белая, другая — Черная.

Белая речка рождается в глухом болоте, где растет мелкая, хилая сосна. Такая местность с мелкой сосной или березкой по болоту называется светлой радой.

Белая речка вытекает из светлой рады.

Черная речка берется в темной раде, где по болоту растет корявая елка...

Такой же лес по болоту в русских говорах Карелии именуют *корбой*. Здесь очевидна связь названия с карельским словом *когви* «ложбина, поросшая дремучим лесом».

В то же время в ряде, например, ярославских и вологодских говоров болотистый лес называют *лядой*. Слово это считается одним из древнеславянских. Об исходном значении его высказывались разные суждения. По одному из предположений, *ляда*, как и *корба*, могла означать в древности «долину», а отсюда — «низинное место; низинное место, поросшее лесом».

Гай. Это тоже «лесное» слово. В словарях русского языка отмечается, что *гай* — это «дуброва, роща, небольшой лиственный лес, особенно в низменных, луговых местах». Но если *сузём*, *рада*, *корба*, *ляда* — слова преимущественно северного распространения, то *гай* — южного. Оно обычно для Курской, Орловской, Тамбовской, Воронежской и соседних с ними областей. Происхождение слова не совсем ясно.

Территориально своеобразны в русском языке названия лесов по породам деревьев. Вот один из примеров.

Олёшье. *Алёх*. Ольху — лиственное дерево из семейства березовых в разных местах именуют и *ольшина*, и *ольша*, и *вольха*, и *елоха*... А ольховый лес соответственно — *ольшаник*, *ольшняк*, *ольховник*, *олешник*, *олешье*, *олех* (*алёх*), *елошник*, *елшаник*...

В словарный состав русского литературного языка из этих многочисленных названий входят лишь слова *ольха*, *ольшаник*, *ольшняк*. Остальные относятся к числу местных слов. Так, в частности, *олешье* — это западное, новгородско-псковское, слово, а *алёх* — южное, рязанское. *И елха*, и *ольха* — очень древние слова. Возможно, что *елхи* исторически первично.

Грибы — гúбы

Боровики и подберезовики, подосиновики и маслята, грузди и рыжики... А все вместе — грибы. Кто не знает названий грибов? Утвердительный ответ на такой вопрос оказывается не столь простым, как это может показаться на первый взгляд.

Дело в том, что и для общего наименования грибов и для называния отдельных их разновидностей в русском языке, по сведениям В. А. Меркуловой, имеется более 350 слов. И понятно, что не многие из нас знают все эти «грибные» слова.

Нередко один и тот же гриб имеет в разных говорах русского языка до десятка и более названий. Примеры разных наименований одного и того же гриба в этой книге уже приводились. В добавление к ним можно здесь ука-

зять, например, что подберезовик в разных местах имену-
ют и *обабком*, и *цельшем*, и *черным грибом*, и даже *ка-
заком*...

Не единственным оказывается в русском языке и об-
щее наименование этих растений. Кроме слова *грибы*, в
этом общем значении в русских говорах встречаются и
другие слова.

Так, писатель Павел Маракулин в книге «Васильки во
ржи» замечает: «...грибы у нас (в Кировской области. —
В. Б.) испокон веку в сельской местности называют не
грибы, а губы! Спроси: «Куда пошел?» — и тебе зачастую
могут ответить вместо традиционного для всей России
искать грибы — ...ломать губы!» И так не только в Киров-
ской, но и в Архангельской, в Вологодской, в Пермской
и в ряде других областей к северу и северо-востоку от
Москвы. Там же грибной суп назовут *гүбницей*, а пирог
с грибами — *гүбником*.

Почему грибы называли *губами*? Дело, видимо, заклю-
чается в том, что в древности слово *губа* использовалось
и со значением «шишка, желвак, нарост». На основе та-
кого исходного значения слово *губа* и стало использоваться
в ряде мест для общего названия грибов. Ведь шляп-
ка любого гриба действительно является своеобразным
наростом на грибной ножке.

Что касается самого слова *гриб*, то единства среди уче-
ных в объяснении его происхождения нет. Высказывались
разные суждения. В частности, отмечалось, что слово мог-
ло быть связано с исходным значением «нечто клейкое,
покрытое слизью». Действительно, у некоторых грибов,
например у маслят, шляпка покрыта клейкой слизью. По-
этому такой признак и обозначающее его древнее слово
могли стать исходной основой общего наименования —
грибы.

Не исключается также возможная связь слова *грибы*
с корнем *греб-* (в словах *гребу*, *согребу*). Ведь грибы,
вырастая, нередко приподнимают своими шляпками тра-
ву, листья, как бы согребая их в маленькие кучки.

Клюква — журавліха

На аэродроме одной из северных областей идет по-
садка в небольшой самолет местной линии.

У старушки, одетой в дубленый полушубок, в ру-
ках фанерный чемодан и туесок... Старик тащит бе-

рестяной заплечный пестерь, на котором сбоку торчат две веревочные петли. С пестерями такими ходят на сенокосы, на дальнюю охоту, на лесные промыслы, в петли вдевается топор.

На старика ворчит пилот:

— Что у тебя течет из пестеря, отец? Мясо, что ли?

— Журавлиха, не мясо. Растаяла окаянная...

(А. Яшин)

Помимо слов *туесок* и *пестерь*, в этом отрывке наше внимание привлекает и слово *журавлиха*. Оказывается, в приведенном эпизоде старик с пестерем так называет ягоду клюкву. Под этим названием клюква известна многим жителям Вологодской и других северных областей.

Название *журавлиха* возникло у клюквы не случайно. Дело в том, что растет эта ягода в северных областях обычно по низменным болотистым местам, где нередко гнездятся и журавли.

Как известно, многие птицы не прочь полакомиться ягодами, в том числе и журавли клюквой. Отсюда и пошло название этой «журавлиной» ягоды — *журавлиха*.

В разных северных и западных областях клюкву называют также *жарáва*, *жарави́ца*, *жарави́ха*, *журавли́на*, *жерави́ха*.

Нельзя не согласиться с В. А. Меркуловой, которая считает, что все эти народные названия клюквы также связаны со словом *журавль*. В разных русских говорах журавля именуют и *журав*, и *жарав*, и *жерав*... А отсюда и разнообразие названий клюквы.

Крапива — стрекáва — жáлица

Крапива растет повсеместно. Очень часто вдоль заборов, на пустырях. И редко кому не приходилось испытывать в детстве неприятных ощущений от ее прикосновения...

Отличительной особенностью крапивы является то, что она жжется. Причем жжется своеобразно, вызывая на теле мелкие красные крапинки. Может быть, по этому признаку она и поименована?

Учитывая «крапящую» жгучесть крапивы, В. А. Меркулова делает такой вывод о происхождении этого слова: «Связь слов *крапить*, *кrapать*, *укрoп*, *крапива* мне представляется следующим образом: *кrapить* значит «брыз-

гать», *крапать* «падать редкими каплями, брызгами», *крап* «мелкие пятна на фоне иного цвета», *укроп* «вода, от которой летят брызги», *крапива* «растение, обжигающее брызгами, пятнами».

Любопытный вывод, не правда ли?

Хотя, впрочем, есть и другие суждения о слове *крапива*. Так, известный языковед В. В. Иванов считает, что оно исторически связано с древним словом *копр* «анис, укроп» и что растение получило свое название по характерному для него запаху.

В русских говорах у крапивы есть и другие названия. Так, в псковских, новгородских, калининских и других говорах северо-запада крапиву называют *стрекáва*, *стрекй-ва*, *стрекйша*. Связь этих слов с глаголом *стрекáть* «жечь, жалить» очевидна. В донских говорах крапиву именуют *свербу́ха* по глаголу *свербить* «зудеть, чесаться». Известны и такие названия ее, как *жигу́чка*, *жега́ла*, *ожига*, а в некоторых сибирских говорах — *жа́лица*. Так, в книге Виктора Астафьева «Бабушкин праздник» читаем: *Жалица, щавель, дикая редька, медуница, петушки и много чего выросло на лугах. Или в другом месте той же книги: Пока нашли мы в жалице заворину¹, пообстрекались оба с бабушкой. Она примачивала мои волдырями взавшиеся руки...*

Здесь очевидно, что *жалица* — от *жалить* «колоть, ранить жалом». Крапивное жало — это обжигающие волоски на ее стебле и листьях.

Камыш — кугá — рогоз

В прибрежных водах озер и болот, рек и речек нередко заросли камыша, тростника, рогоза. Этими словами в русском языке называют сходные, но разные водные растения с высоким стеблем.

Из них тростник отличается пустотелым коленчатым, как у бамбука, стеблем с соцветием в виде метелки. А рогоз выделяется соцветием в виде бархатно-коричневой палки.

Наиболее употребительны из трех слов *камыш* и *тростник*. В повседневной разговорно-бытовой речи они нередко смешиваются и взаимозаменяются, хотя и обознача-

---

¹ *Заворина* — поперечная жердь, которой закладывают ворота, калитку, проезд в изгороди.

ют разные растения. Часто встречаются эти слова в поэтических произведениях.

...Дремлет чуткий камыш. Тишь — безлюдье вокруг,
Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом, — на лицо тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая.

(И. С. Никитин. Угро.)

А одно из стихотворений М. Ю. Лермонтова так и называется — «Тростник»:

Сидел рыбак веселый
На берегу реки,
И перед ним по ветру
Качались тростники...

Наряду со словом *камыш*, в таком же значении во многих южных говорах, в Поволжье, на Урале известно и слово *куга*.

Чтобы легче было плавать, водяные крысы отгрызают длинный стебель куги и плавают, держа его в зубах. Стебель куги полон воздушных ячеек. Он прекрасно держит на воде даже не такую тяжесть, как крыса.

(К. Паустовский. Мещерская сторона.)

По-разному именуют в русских говорах и тростник. В одних местах это — *треста́* или *тресть*, в других — *троста* или *трость*. Нетрудно заметить связь этих слов между собой. Все они, видимо, восходят к одному из древних славянских слов, которое, по мнению проф. В. В. Иванова, могло иметь значение «хрупкий».

В ряде южных говоров, например в курских, как и в украинском языке, тростник называют *очеретом*. Языковеды видят связь этого наименования со словами *чертить*, *черта* в их древнем значении «резать, нарезка, зарубка». Для такого сопоставления есть основания. Ведь стебель тростника имеет коленчатое, как и бамбук, строение. И кольца — утолщения на его стебле, отделяющие одно колено от другого, и есть своеобразные «нарезки, зарубки».

Слово *рогоз* по существу не используется в северных говорах. Оно более характерно для литературного языка и для южных говоров. Это древнее слово. Его исходное значение, как и признак, по которому поименовано растение, пока точно не установлено. Есть разные суждения

по этому поводу. В научной литературе указывалось, в частности, что слово могло возникнуть на базе тех слов, которые с древних времен употреблялись со значением «плести». Ведь из рогаза действительно плетут самые различные предметы, которыми пользуются люди издревле.

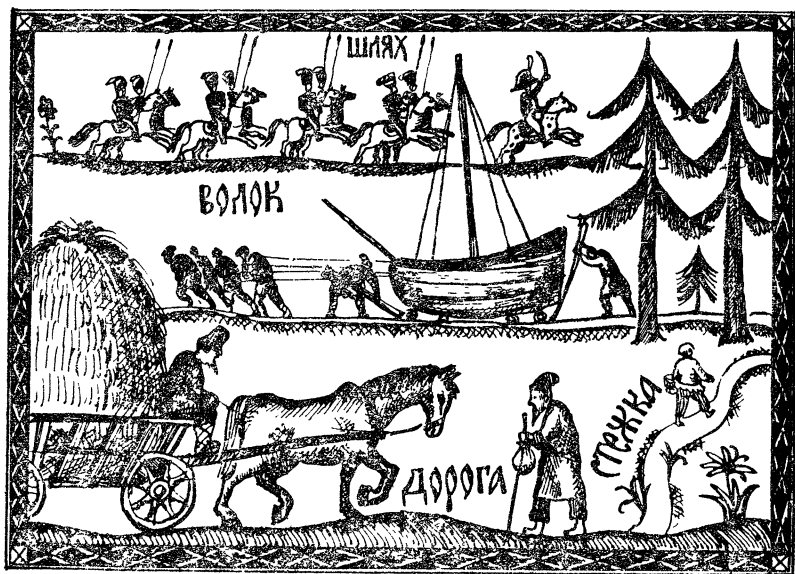
В некоторых местах рогоз известен также как *чáкан* и *пáлочник*. Первое из этих слов связано по происхождению с чувашским языком. Второе образовано от слова *палка*, на которую похоже бархатисто-бурое соцветие растения.

Дорога — во́лок — шлях

Во все времена пути сообщения, дороги были важны для людей. Дорог много, и они разные. Сухопутные и водные, равнинные и горные, степные и лесные... Много разных дорог, много и слов в языке, их именующих.

Наиболее распространенным и общим в этом значении русского языка является само слово *дорога*.

Считают, что древнее слово это может быть исторически связано с глаголом *дергать*. Как пишет В. В. Иванов, первоначальное значение слова *дорога* — «углубле-

ние, овраг, долина, ров, то есть связано с прокладыванием следа, колеи, с очищением пространства». И, добавим к сказанному, прежде всего в лесу, в зарослях.

В лесистых районах северных областей в значении «дорога вообще, лесная гужевая дорога» часто используется слово *волок*. Писатель Юрий Бородин одну из своих книг назвал «Кологривский волок» (название это можно истолковать как «дорога на Кологрив, кологривская дорога»).

Если перейти или переехать (реку) Каменным бродом, начнется волок, дорога поведет через увалы, по-местному — гривы. Далеко-далеко в конце дороги встретится старинный городок Кологрив. Не будь этого Кологривского волока да хутора Мокруши, спрятавшегося за клюквенными болотами, можно было бы подумать, что дальше не пошла жизнь.

Слово *волок* здесь, бесспорно, родственно глаголу *волочь* «тащить». В связи с этим первоначально оно означало «место, по которому что-либо волокут, тащат». Поскольку дороги-волоки часто пролегали по лесам, то слово *волок* нередко в северных говорах употребляется и со значением «большой глухой лес».

А в южных степных областях еще в начале нашего века большую дорогу называли словом *шлях*: *По летнику сено когда-то возили к гумнам, ... а торный шлях улегся бугром у столбов телеграфных. Бегут столбы в муть белесую, через лога и балки перешагивают.* (М. А. Шолохов.)

В основе слова *шлях* лежит значение «след, колея». Оно, в свою очередь, связано с более ранним значением этого слова — «удар». Таким образом, можно сказать, что первоначально *шлях* означало «место, по которому ударили (при ходьбе, езде), которое протапывали».

Различаются северные и южные говоры и по наименованию небольших пешеходных дорожек. В качестве общерусского литературного в этом значении закрепилось слово *тропинка*. А вот на юге такую дорожку-тропинку чаще назовут *стежкой*. В северных говорах лесную охотничью тропу именуют *путиком*. С этим значением использует слово *путик* и М. М. Пришвин в повести «Корабельная чаша»: *В верховьях Пинеги они сдали куда следует свою ледяночку и пошли вперед — где по общей тропе, где охотничьими путиками, оставляя в чутком сузёме загадки своими следами.*

В северных говорах *путик* — слово многозначное. Кроме охотничьей тропы, *путиком* во многих из них называется и весь участок, на котором промышляет тот или иной охотник, а иногда и лесная изгородь на таком участке.

Родник — кипун — криница

Многочисленны в русском языке и слова для обозначения разнообразных водных источников и водоемов — родников, ручьев, рек, озер, проливов и т. д. Значительная часть таких слов относится к числу общерусских. Но немало среди них и местных, диалектных.

Примером здесь могут быть слова, которыми называется самый малый водный источник, вытекающий непосредственно из-под земли.

Общерусским словом с таким значением является слово *родник*. Сравните: *Некоторые родники были очень сильны и вырывались из середины горы, другие били и кипели у ее подошвы, некоторые находились на косогорах и были обделаны деревянными срубами.* (С. Аксаков.)

Называя место, где из-под земли появляется вода, слово *родник* как бы напоминает, что здесь «родится вода». Вот как рассказывает об этом Константин Паустовский в книге «Золотая роза».

Шли мы с этим лесником по мелколесью... Кое-где по мху... попадались маленькие круглые окна-колотцы...

Мы остановились у одного такого оконца и напились воды...

— Родник! — сказал лесник... — Должно, Волга тоже начинается из такого оконца?

— Да, должно быть, — согласился я.

— Я большой любитель разбирать слова, — неожиданно сказал лесник и смущенно усмехнулся. — И вот скажи на милость! Бывает же так, что пристанет к тебе одно слово и не дает покоя...

— А какое слово к вам привязалось сейчас? — спросил я.

— Да вот этот самый «родник». Я это слово давно заметил. Все его обхаживаю. Надо думать, получилось оно оттого, что тут вода зарождается. Родник родит реку, а река льется-течет через всю нашу матушку-землю, через всю родину, кормит народ.

Вы смотрите, как это складно выходит, — родник, родина, народ. И все эти слова как бы родня между собой. Как бы родня! — повторил он и засмеялся.

Простые эти слова открыли мне глубочайшие корни нашего языка.

В некоторых русских говорах, преимущественно северных, родник называют словом *кипун*. Основа такого названия тоже достаточно очевидна. Ведь в местах выхода родников вода нередко бурлит, фонтанирует, как бы кипит. Этот признак и лег в основу хотя и местного, но довольно яркого и образного наименования родников.

Во многих говорах, главным образом к югу и западу от Москвы, в значении «родник» употребляются слова *студенец* или *криница*.

Первое из этих названий возникло по характерной для родников холодной, студеной воде: *студенец* — «источник (родник, ключ; колодец) со студеной водой».

Второе — *криница* — широко распространено в украинском и в белорусском языках. Не исключено, что из них оно и перешло в южные и западные русские говоры.

Следует отметить, что в разных русских говорах у слова *криница* могут быть и такие значения, как «колодец», «яма с водой». Сравните у Демьяна Бедного:

Как доехал казак до станицы,
Напоил он конька из криницы...

Бесспорно, что здесь поэт имел в виду *криницу* — «колодец».

Заслуживает внимания и тот факт, что со словами *студенец* и *криница* соотносятся довольно многочисленные географические названия. Таковы, например, речки *Студенец* в Тамбовской, Липецкой и Орловской областях, села *Студенец* в Пензенской и Ульяновской областях; *Криница* и *Криничка* в Воронежской области и другие.

Грива — рёлка — угор

Боровой рыжик любит расти в траве рядом с молодой сосной, хотя нередко появляется в огромных количествах и в старых борах-беломошниках... Любит можжевеловые куртины и сферическую обтекаемость грив, балок, увалов...

Эти строчки взяты из книги Павла Маракулина «Васильки во ржи». А вот выдержка из повести Анатолия Черноусова «Чалдоны»:

Повернув коров от моста к высокой Муромцевой гриве, старик замедлил ход и смотрел, как стадо расползается по пологому увалу обочь гривы...

О каких гривах, балках и увалах говорится в этих отрывках?

Оказывается, авторы имеют в виду здесь особенности рельефа описываемой местности.

Ведь одно из значений слова *грива* в русском языке — «продолговатая невысокая возвышенность с пологими склонами, поросшая лесом». В то же время увалами в некоторых говорах, как и в повести «Чалдоны», называют «пологие безлесные склоны возвышенностей». Однако чаще *увал* — это «возвышенность, холм с широкой плоской вершиной и пологими склонами». А *балка* — это «большая ложбина, широкий и длинный овраг». С таким значением это слово обычно используется в русских говорах южных территорий, например, на Дону, на Северном Кавказе.

Разнообразие природы нашей Родины ярко проявляется и в особенностях рельефа. Естественно, что это не могло не сказаться и на разнообразии слов, называющих формы рельефа — горы, холмы, долины, ложбины, овраги и т. д. Таких слов много в русском литературном языке. В общей сложности немало их оказывается и в русских народных говорах.

Вот еще несколько примеров «рельефных» слов русского языка.

Юрий Бородин в книге «Кологривский волок» пишет: *Стоит Шумилино на угоре. Торпливая река Песома обегает его излучкой, вызванивает по каменистым переборам, скатываясь в беспокойный омут...* В словарях русского языка рядом со словом *угор* ставится помета «обл.» (областное). Она показывает, что слово это является местным (областным). Действительно, *угор* — слово, употребляемое главным образом в северных говорах. В них оно обычно используется со значением «высокое место на равнине, по берегу реки; возвышенность, холм».

С северными говорами связано и слово *рёлка* — «продолговатая возвышенность, удлиненный холм; мыс, поросший лесом; то же, что и грива».

Или вот слово *гребень*. В русском языке оно имеет

несколько разных значений. Среди них есть и «рельефные». Так, у М. А. Шолохова в «Поднятой целине» читаем: *До Гремячего Лога от станицы двадцать восемь километров безлюдным гребнем. Бурый от подтаявшего помета шлях лежит на вершине гребня. Здесь гребень — «длинная степная возвышенность».*

В разных русских говорах только для называния различных видов холмов и отдельных гор используются такие слова, как *крутец, мар, столб, шихан, шишка* и др.

Иней — кържевень — куржак

Приведенные слова обозначают по существу одно и то же явление природы. В этом нетрудно убедиться по следующим текстам.

Жгуч мороз трескучий,
На дворе темно;
Серебристый иней
Запушил окно...

(И. С. Никитин.)

Так гулко, морозно и ясно, что до зимней дороги нельзя дотронуться: снег визжит.

Мороз по нашим местам редкий — за сорок пять! Давит к земле, окна за ночь в доме так обледенели, что стали мохнатыми. В пазах, в углах и в дверных проемах появились «зайчики» изморози или — как у нас, вятских, принято говорить — закуржевело.

(П. Маракулин.)

Мерзлый скрип тяжело нагруженных саней, повизгиванье снега под полозом, хруст снега под копытами у лошадей...

От куржака все лошади сделались одинаковой масти — седые, и только по горячей, дымящейся шерсти под хомутом и седелкой можно определить настоящую масть...

(А. Черноусов.)

Слово *иней* — общерусское, а *кържевень, куржак, закуржеветь* — из числа местных, диалектных. Используются они в основном в русских говорах северных территорий, на Урале, в Сибири.

Там же встречается и слово *кърхта*. В некоторых северных говорах им также называют иней. Однако чаще исполь-

зается оно со значением «снег на ветвях деревьев». П. Маракулин в книге «Васильки во ржи» так пишет о кухте:

Снег, оседлавший еловые, сосновые и пихтовые лапы, на языке охотников называется кухтой... Кухта часто напоминает собою распластавшихся в ожидании добычи зверей: сегодня взял блокнот и карандаши специально, чтобы зарисовать во время лыжной прогулки по заречному парку на одной группе молодых густых пихт сразу горноста́я, двух снежных барсов и куницу, выгнувшуюся перед прыжком.

Со словом *закуржевело* связано и слово *куржевень*. Различаются слова эти в русском языке не по смыслу, а по распространенности, по употреблению.

* * *

Здесь рассказано лишь о некоторых словах, встречающихся в русских говорах. Но и этот небольшой их перечень показывает, что местные слова не только своеобразны, но нередко с успехом могут дополнять и уточнять словарь русского литературного языка.

«КРУГЛОЕ *о* И ПОДЧЕРКНУТОЕ *а*...»

Известный советский поэт Николай Рыленков в книге «Сказки моего детства» рассказал о первых годах своей жизни, которые прошли у него в предреволюционные годы в небольшой смоленской деревушке. Среди разнообразных детских впечатлений он хорошо запомнил и одну из особенностей в речи жителей соседней деревни:

Но чего я совершенно не мог понять, — рассказывает поэт, — как тогда, так и много позже, — это неправильного выговора у населения целой деревни — и у детей и у взрослых, как это бывало в соседней с нами Плетневке.

Ранней весной, до найма пастуха, мы вместе с плетневскими ребятами пасли на смежных пустошах овец. Я сразу же обратил внимание, что слово *овца* никто из них не мог произносить. Все говорили *овса*.

Драться за это со всеми было, конечно, невозможно, но, вернувшись вечером домой, я заявил отцу, что

больше с плетневскими ребятами овец пасти не буду.
— Это почему же? — удивился отец.
— А потому что они все дразнятся.
— Как дразнятся?
— А вот так и дразнятся. Говорят не овцы, а овсы.
— Вон оно что, — усмехнулся в усы отец. — Ну и чудак же ты, брат. Да они всегда так говорят, и малые и большие. Язык, видно, у них такой...

...Восприимчивый к речи мальчик обратил внимание на одну существенную особенность русского языка. Оказывается, одни и те же слова иногда даже в речи жителей соседних селений могут звучать по-разному.

С чем связаны такие различия? И оправданна ли обида мальчика из приведенного рассказа на непривычное произношение привычного слова?

Отвечая на такие вопросы, прежде всего следует заметить, что наблюдаемые в русской речи произносительные различия нередко обусловлены наличием в русском языке многочисленных и разнообразных местных говоров. Вы уже знаете, что местные говоры различаются между собою и отличаются от русского литературного языка не только словами (см. с. 13). Своеобразие каждого из них в той или иной степени проявляется и в звуковом строе, в фонетике. Это значит, что в каждом из говоров могут быть какие-то свои особенности в постановке ударения в отдельных словах, в интонации, в употреблении тех или иных звуков.

Пользуясь словами отца Николая Рыленкова, можно сказать, что каждый местный говор — это «язык такой». Пусть маленький, в том смысле, что им обычно пользуется сравнительно небольшое число людей. Пусть во многом похожий на другие говоры — «маленькие языки», из которых состоит большой язык народа. Но все же это язык (точнее местная разновидность, местный вариант народного языка).

Будучи таковым, каждый говор имеет свою систему. Она проявляется как в составе характерных для говора языковых элементов (слов, звуков, грамматических явлений), так и в особенностях взаимодействия этих элементов.

В основе своей система каждого говора оказывается общерусской. В чем-то она близка некоторым другим говорам. В то же время в системе каждого говора имеются, пусть в небольшом количестве, и свои особенности. Именно

они и служат основанием для выделения данного говора из числа других говоров языка.

В системе упомянутого Николаем Рыленковым говора деревни Плетневки не было звука *ц*. Вместо него в этом говоре использовался звук *с*. Для такой замены одного звука другим в системе говора есть вполне определенные объяснения.

Дело в том, что свойственный русскому литературному языку и абсолютному большинству русских говоров звук *ц* — своеобразный двойной звук. При его образовании органы произношения сначала смыкаются, как и при образовании звука *т*, а затем несколько расходятся, создавая щель, как и при образовании звука *с*.

В некоторых русских говорах исторически произошло постепенное упрощение образования звука *ц*. Первая, «смыкающая» часть работы органов произношения была утрачена. Сохранилась лишь вторая — «щелевая». В результате звуковая система таких говоров осталась без звука *ц*. В то же время звук *с* в них получил более широкое употребление, так как использовался не только на своем исконном месте, но и на месте звука *ц*.

Русские говоры с заменой звука *ц* звуком *с* раньше встречались в Предуралье и на Урале, в пределах современной Орловской области и в некоторых других местах. К таким говорам относился и говор деревни Плетневки на Смоленщине, о котором вспомнил в своей книге Николай Рыленков.

Не приходится говорить, что мальчик из этой книги был совершенно неправ, обижаясь на неправильное произношение привычного слова. Плетневские ребяташки, говоря *овсы* вместо *овцы*, не дразнились. Они произносили это слово так всегда, потому что такова была одна из особенностей звуковой системы их говора. По-другому они и не могли говорить. Литературному языку их никто не учил.

Надо сказать, что в разных русских говорах наблюдается довольно много своеобразных местных фонетических (произносительных) особенностей.

Для первичного ознакомления здесь будут рассмотрены лишь две из них. Они наиболее широко распространены и наиболее заметно различают северные и южные говоры русского языка.

О круглом *о* и подчеркнутом *а*

Рассказывая в автобиографической книге «Драчуны» о родном селе и его жителях, писатель Михаил Алексеев обратил внимание на то, что его односельчане в разговоре окали, как бы опираясь, по его словам, на «круглое *о*».

В то же время приезжие учителя сельской школы разговаривали по-особому, из гласных звуков «ими подчеркивался *а*, тогда как местное оканье было и непривычным и малоусладительным для их уха».

Возникает вопрос, как могли земляки писателя «опираться на круглое *о*»? Почему и как приезжие учителя, разговаривая, подчеркивали звук *а*? Наконец, что представляет собою оканье, характерное для речи сельчан и непривычное для приезжих учителей?

Для ответа на такие вопросы необходимо несколько детальнее разобраться в особенностях употребления в русском языке звуков *о* и *а*.

Прежде всего следует отметить, что по использованию этих звуков в русском языке выделяются два типа произношения.

Один из них связан с употреблением и четким различием звуков *о* и *а* не только в ударных, но и в безударных слогах. Те, кому свойственно такое произношение, обычно говорят: *вал* и *валы́*, *красный* и *красне́ть*, *пар* «поле» и *пары́*, *травы́* и *травá*. И в то же время: *дом* и [домá], *горы* и [горá], *стол* и [столы́], *совы* и [совá], *соль* и [солы́т] и т. д.

Различение звуков *о* и *а* в безударных слогах принято называть оканьем, а сам тип такого произношения — окающим. Оканье называют полным, если звуки *о* и *а* различаются во всех предударных и заударных слогах. Если же эти звуки различаются только в первом предударном слоге, то такое оканье называют неполным.

Как произносительная особенность, оканье не свойственно русскому литературному языку. Оно характерно, можно сказать, исключительно для русских говоров. При этом полное оканье распространено преимущественно к северу и к востоку от Москвы — в Архангельской, Вологодской, Ярославской, Костромской, Кировской, Пермской и других областях. Неполное оканье встречается в говорах Новгородской, Владимирской, Ивановской, Горьковской и ряда других областей, преимущественно к востоку от Москвы.

Здесь заслуживает внимания тот факт, что при окающем произношении употребление звука *о* в безударных

словах обычно совпадает с написанием буквы *о*. Пишется *вода, гора, дома, столы, молоко, молоток, хорошо, говорит* и произносится так же.

С учетом этого соответствия по-особому, с севернорусским оканьем должно быть прочитано и стихотворение Виктора Полторацкого «Говорит Кострома». Посвятив его передачам костромского радио, автор обратил внимание на то, что в этих передачах нередко дает о себе знать севернорусское оканье. Но внимание поэта к костромскому оканью будет понятно лишь при условии, если читающий учтет только что отмеченное соответствие между окающим произношением и написанием буквы *о* в безударных слогах.

Утром, в четверть восьмого,
На длинной волне
Кострома заявляется
В гости ко мне.
Поначалу звучит
Музыкальный мотив,
А потом и слова:
Чухлома, Кологрив,
Молоко, околот,
Умолот...

— хорошо!

Как горошина, катится
Круглое «о».
И, как будто любуясь
Тем звуком, сама
Еще раз повторит:
— Говорит Кострома...

Другой тип произношения по использованию звуков *о* и *а* в русском языке составляет а канье. Его своеобразие проявляется в том, что звуки *о* и *а* различаются лишь в ударных слогах. В безударных слогах при акающем произношении эти звуки не различаются, совпадая в звуке *а*. Можно сказать, что при аканье звук *а* получил исключительное право на употребление в безударных слогах, заменив собою безударный гласный *о*.

Сравните примеры акающего произношения: *вал—валы́, травы—трава́* и *дом—[дамá], стол—[сталá], горы—[га́ра], совы—[савá], соль—[салít]* и т. д.

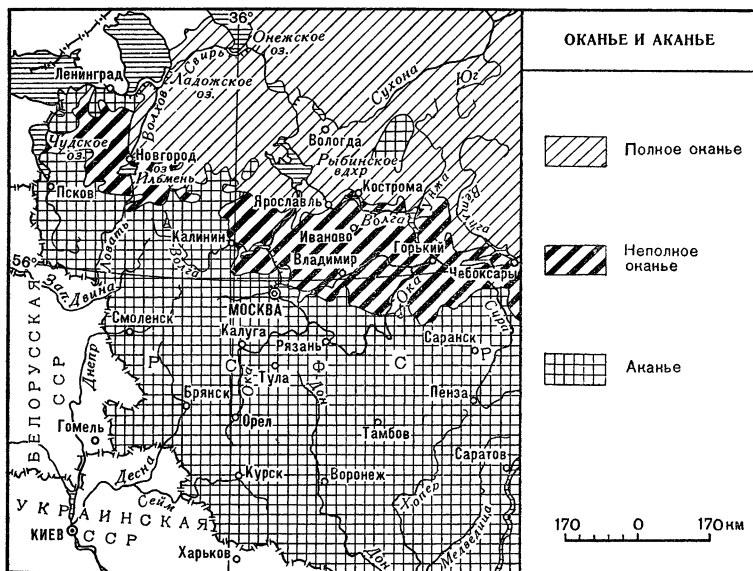
Аканье является яркой отличительной особенностью русского литературного произношения. Оно составляет также одну из наиболее характерных черт всех южнорусских и многих среднерусских говоров.

Следует указать здесь, что аканье в русском языке, как и оканье, неоднородно по своему характеру. Языковеды выделяют несколько разновидностей аканья. Особенностью литературного аканья является, в частности, то, что безударные *о* и *а* совпадают в звуке *а* лишь в первом предударном слоге. В остальных безударных слогах вместо *о* и *а* используется очень краткий гласный звук, в какой-то степени похожий на *ы*. Такое аканье называют умеренным.

О распространении оканья и аканья смотрите карту на этой странице.

Все сказанное здесь об оканье и аканье одновременно может служить и ответом на вопросы о том, как могли земляки писателя М. Алексеева (см. с. 69) «опираться в своей речи на круглое *о*», а приезжие учителя «подчеркивать в разговоре звук *а*». Первые четко различали *о* и *а* в безударных слогах, а учителя заменяли безударный звук *о* звуком *а*.

Бесспорно, что выражения «опираться на круглое *о*», «подчеркивать в разговоре звук *а*» были использованы писателем образно, с целью более яркой характеристики того впечатления, которое производила на него окающая и акающая речь. Такие образные определения речевых особенностей нередко встречаются у писателей.

«Обернутое бархатцей г»

Писатель-курянин Евгений Носов, рассказывая о своих чувствах при возвращении в родные места после долгих путешествий, как-то заметил:

...А когда, наконец, подадут состав и ты предстанешь перед проводницей, учтиво обтирающей чистой тряпкой поручни, она... кажется тебе... чуть ли не сестрой родной. А говор ее, наш, черноземный, где каждое Г как бы обернуто бархатцей, звучит почти что откровением. И весь мчащийся поезд полон этого смягченного говора — наши едут, свои, куряне...

А в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина» есть такие строчки: *Казаки тоже направились к конюшне, недоумевая, почему приезжий, по виду служащий, говорящий на жесткое российское г, идет за санями...*

По этим отрывкам нетрудно сделать вывод, что звук г в русском языке неодинаков, неоднороден. В речи рабочего-путиловца из Ленинграда, о котором идет рассказ в романе «Поднятая целина», г звучит «жестко». А проводница-курянка произносит этот звук мягко, «как бы обернутое бархатцей».

Дело здесь заключается в том, что в русском языке действительно существуют два типа, две разновидности звука г.

При образовании одного из них звукообразующие органы сначала смыкаются, а затем резко расходятся. В результате получается своеобразный взрывной звук г. Он распространен в русской литературной речи, в абсолютном большинстве русских окающих говоров, а также в части говоров акающих. Именно такого типа звук имел в виду М. А. Шолохов, когда писал о «жестком российском г» в речи приезжего в «Поднятой целине».

В то же время в значительной части южных акающих говоров широко распространен звук г, который писатель Евгений Носов характеризует как «обернутый бархатцей».

Своеобразие такого г заключается в том, что при его образовании звукообразующие органы не смыкаются, а лишь сближаются. При этом получается щелевой звук, похожий на х, но отличающийся от него своей звонкостью.

Чтобы не смешивать этот звук с г и с х, языковеды обозначают его буквой γ. Будучи щелевым, южнорусское γ отличается в произношении, в сравнении с г, большей дли-

тельностью звучания, плавностью, что и придает ему своеобразную «умягченность».

Встречаются в русских говорах и другие фонетические особенности, но только что рассмотренные наиболее широко распространены и наиболее устойчиво сохраняются. Ими севернорусские говоры, прежде всего, отличаются от южнорусских.

«ДОСТАВАТЬ ТОЁ ЖАР-ПТИЦУ...»

Вот Иванушка поднялся.
В путь-дорожку собирался.
Взял корыта и пшено...
Потеплее приоделся,
На коньке своем уселся,
Вынул хлеба ломоток
И поехал на восток —
Доставать тоё Жар-Птицу...

(П. Ершов. Конек-Горбунок.)

Редко кто не знакомился с этой стихотворной сказкой уже в детские годы. Она привлекательна для юных слу-

шателей и читателей не только содержанием, но и своим языком. Простым, сохраняющим немало особенностей народной разговорной речи. Для этого автор часто использует слова и формы слов, обычные в непринужденном разговоре. К примеру, такие уменьшительно-ласкательные существительные, как *Иванушка, конек, ломоток, путь-дорожка* и др.

Есть в этой сказке и особые, не употребляющиеся в русском литературном языке формы слов. Так, в приведенном отрывке вместо принятой в литературной речи для винительного падежа местоименной формы *ты* употребляется форма *тоё*.

Что это за форма? Почему автор предпочитает ее общепринятой форме *ты*?

...Уже в младших классах школьники узнают, что одни слова в русском языке склоняются, другие — спрягаются. Склоняемые слова изменяются по падежам и числам, спрягаемые — по лицам, числам, временам и т. д.

Все такие видоизменения одного и того же слова называют формами слова. Для образования форм слов чаще всего используются окончания, реже — суффиксы, приставки и другие языковые средства.

Многие формы слов, употребляемые в речи, имеют общерусский характер. Это значит, что они одинаково образуются как в русском литературном языке, так и в местных русских говорах.

Но в русской диалектной речи встречаются и такие формы слов, которые отличаются от литературных. Эти отличия проявляются прежде всего в падежных окончаниях склоняемых слов, в личных окончаниях спрягаемых слов, а иногда и в строении той или иной формы слова.

Примером в этом отношении может быть уже названное указательное местоимение женского рода *та*. В русском литературном языке для шести падежей оно имеет три формы единственного числа: в именительном падеже — *та*; в родительном, дательном, творительном, предложном падежах — *той*; в винительном — *ту*.

В каждом из русских говоров это местоимение, как правило, тоже имеет по три формы единственного числа. Но они часто отличаются от литературных. Так, например, в говорах к западу от Москвы в именительном падеже отмечена форма *тая*; в родительном, дательном, творительном, предложном — *тэй*; в винительном — *тую*.

Использованная в сказке «Конек-Горбунук» форма *тоё*

встречается в некоторых окающих говорах к востоку от Москвы, в том числе и в ряде русских говоров Сибири, откуда был родом автор сказки.

Какого рода слово *стадо*?

На первый взгляд вопроса здесь быть не должно. Хорошо известно, что в русском языке существует три грамматических рода: мужской, женский и средний. И слово *стадо*, бесспорно, относится к среднему роду.

Но все это оказывается бесспорным лишь по отношению к русскому литературному языку. В русских говорах есть свои особенности и в распределении слов по грамматическому роду.

Наиболее ярко такие особенности проявляются у слов, которые в литературном языке относятся к среднему роду, — *стадо, поле, сено* и др. (с безударным гласным в окончании).

Дело в том, что во многих южных говорах слова такого типа используются как слова женского рода. Ученые считают, что это связано с характерным для южных говоров аканьем. В результате замены безударного конечного *о* гласным *а* существительные среднего рода и могли уподобиться существительным женского рода. Ведь к последним, как известно, и относятся прежде всего слова, оканчивающиеся на *-а*. Сравните: *дорога, стена, волна* и *стада, дела, сена, лета, поля* и другие.

Однако такая замена среднего рода женским осуществляется не всегда последовательно даже у слов с безударным окончанием. А существительные среднего рода с ударным конечным *о* типа *село, окно* и в южных говорах часто сохраняют свой грамматический род.

Можно указать здесь и на то, что в некоторых русских говорах к западу, к востоку и к юго-востоку от Москвы существительные среднего рода употребляются как слова мужского рода. В таких говорах наблюдаются словосочетания типа *большой поле, сухой сено, плохой дело*. Подобные явления говорят о неустойчивости среднего рода в грамматической системе многих русских говоров.

Таким образом, и слово *стадо* в русской речи не всегда оказывается словом среднего рода. В некоторых говорах оно может относиться к женскому роду, в некоторых — к мужскому, как, впрочем, и другие слова этого грамматического разряда.

«Я от дедушки ушел...»

По своеобразию падежных окончаний в русском литературном языке обычно выделяют три склонения существительных — 1-е, 2-е и 3-е. Кроме того, особую группу составляют разносклоняемые существительные типа *время, знамя, мать, дочь* и др.

Системы склонения существительных в разных местных говорах во многом совпадают с системой склонения этих слов в русском литературном языке. Но между ними есть и различия. Они проявляются в том, что отдельные существительные в говорах могут относиться к иному, чем в литературном языке, типу склонения, и в том, что существительные одного и того же типа склонения в одном и том же падеже в разных говорах и в литературном языке могут иметь разные окончания.

Вот несколько примеров таких расхождений между местными говорами и литературным языком в склонении существительных.

В русском языке есть группа одушевленных существительных с суффиксами *-ушк-*, *-ишк-* типа *дедушка, мальчишка, парнишка*. В литературном языке и в большинстве южных говоров они относятся к 1-му склонению. Подобно другим словам этого склонения, они образуют и падежные формы. Сравните: *дедушк-а — у дедушк-и — к дедушк-е — дедушк-у — с дедушк-ой — о дедушк-е*.

А вот во многих северных, окающих говорах такие существительные в именительном падеже единственного числа употребляются с гласным *о* на конце и образуют падежные формы уже по 2-му склонению. Сравните: *дедушк-о — у дедушк-а — к дедушк-у — дедушк-а — с дедушк-ом — о дедушк-е*.

Известная сказка «Колобок» неоднократно записывалась собирателями устного народного творчества в разных местах от разных сказочников. По этим записям она много-много раз переиздавалась. При этом в одних изданиях Колобок поет: *Я от дедушк-и ушел...*, в других — *Я от дедушк-а ушел...* Нетрудно догадаться, что последней формой как раз и передана в печатном тексте только что отмеченная морфологическая особенность севернорусской диалектной речи.

Существительные женского рода *лошадь, рожь, печь*, как известно, относятся к 3-му склонению. В русском литературном языке они образуют формы родительного, дательного и предложного падежей единственного числа

с помощью окончания *-и*: *у лоша́д-и, к лоша́д-и, на лоша́д-и*. В то же время во многих русских говорах формы дательного и предложного падежей у таких слов образуются с окончанием *-е*: *к лоша́д-е, на лоша́д-е*. Не вызывает сомнения, что появилось окончание *-е* в таких формах под влиянием более многочисленных существительных на *-а*. Сравните: *к стен-е, на стен-е* и *к печ-е, на печ-е*.

В некоторых русских говорах произошел своеобразный «обмен» окончаниями между родительным и дательным падежами у существительных на *-а* типа *сестра, трава, вода*. Относятся такие существительные к 1-му склонению. В родительном падеже единственного числа в русском литературном языке они имеют окончание *-ы(-и)*, а в дательном *-е*. А вот в некоторых русских говорах при образовании этих падежных форм указанные окончания как бы меняются местами. В родительном появляется окончание *-е*, а в дательном *-ы*. Сравните: *у сестр-е, у вод-е, но к сестр-ы, к вод-ы, к земл-и*.

Есть в русских говорах особенности и в образовании падежных форм множественного числа имен существительных. Можно даже сказать, что они достаточно разнообразны. Но здесь для примера выделим лишь одну из них.

Известно, что в русском литературном языке формы дательного падежа множественного числа образуются с окончаниями *-ам(-ям)*, а формы творительного — с окончаниями *-ами(-ями)*.

В отличие от литературного языка во многих севернорусских говорах наблюдается совпадение этих падежных форм. Оно проявляется в том, что в творительном падеже вместо окончаний *-ами(-ями)*, как и в дательном, употребляется окончание *-ам(-ям)*. Поэтому в севернорусской диалектной речи нередки словосочетания типа *братъ рука́м, грести грабля́м* вместо *братъ рука́ми, грести грабля́ми*.

Возьми у меня и возьми у мене

Местоимения, как и существительные, имеют в русском языке немало диалектных форм. Одни из них распространены довольно широко, встречаются как в северных, так и в южных говорах. Другие характерны для сравнительно немногих говоров.

Есть и такие диалектные формы местоимений, которыми северные говоры заметно отличаются от южных. К ним следует отнести прежде всего формы родительного падежа

личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа и возвратного местоимения *себя*.

В русском литературном языке и в севернорусских говорах эти местоимения образуют формы родительного падежа единственного числа с конечным *-а* (орфографически *-я*). Сравните: *у меня, у тебя, у себя*. В то же время в значительной части южных говоров такие местоименные формы образуются с гласным *-е* на конце. Сравните: *возьми у мен-е, возьму у теб-е, взял у себ-е*. Обращают на себя внимание в южных говорах формы дательного и предложного падежей единственного числа личного местоимения 2-го лица и возвратного. Как и в творительном падеже, в основе этих форм здесь обычным оказывается гласный *о*: *к тебе, к себе, о тебе, о себе*. Чередования звуков *э* и *о* в основе помогают различать формы этих местоимений, имеющие в южных говорах одинаковые окончания в четырех падежах (в родительном, дательном, винительном, предложном).

«Денис Иванович куеть...»

Говоря о морфологических особенностях русских говоров, нельзя не обратить внимание на те из них, которые связаны с глаголами. В общей сложности их тоже достаточно много. Для примера познакомимся здесь с одной из южнорусских особенностей в употреблении глагольных форм.

В рассказе «В чистом поле за проселком» писатель-курянин Е. Носов поведал о том, как в одной из деревень умер старый кузнец и кузница осталась без кузнеца, как помогли возродить кузнечное дело деревенские мальчишки — Аполошка и Митька.

Долго еще в предпраздничной ночи долетал до Серпиллок спор молотков. Стучали они то сердито и торопко, то со звонкой веселостью. Всполенные серпилковцы никак не могли взять в толк, что происходит там, в чистом поле... Прибежавший на деревню Митька запальчиво рассказывал:

— Ой, что делается! Сам Денис Иванович куеть... Ватник снял, в одной исподней рубаше... Перемазался — ужась... Денис Иванович куеть, а Квадрат качать... Денис Иванович Аполошке: «А это делаешь?» — «Сделаю». — «А это?» — «Сделаю»... Аполошка не сдастся ни в какую. Все экзамены повыдержал. Сколь всего понаковали — ужась!

В этом отрывке привлекают к себе внимание формы глаголов *куеть* и *качаить*. Своеобразие их проявляется прежде всего в мягком произношении конечного *т*. Так подобные глагольные формы (3-го лица единственного и множественного числа настоящего и будущего времени) звучат во всех южных говорах — от Смоленска, Тулы и Рязани до Ростова-на-Дону и Краснодара. Мягким произношением конечного *т* в указанных глагольных формах южнорусская диалектная речь заметно отличается как от севернорусской, так и от русской литературной речи.

Кроме южных говоров, мягкое *т* в глаголах 3-го лица встречается и в акающих говорах к северо-западу от Москвы. Примером этому может служить рассказ Глеба Горышина «Ручеек». В нем писатель поделился своими впечатлениями о встрече со старым рыбаком, живущим на реке Ловать (юго-запад Новгородской области, пограничный с Псковской). В рассказе довольно точно переданы некоторые особенности речи старого рыбака:

На реке ударила рыба.

— Это жерех бьеть, — сказал рыбак, — щука, голавль — те кругами ходють, а этот бьеть, как палкой... У нас река рыбная — Ловать. По большой-то воде на байдарках ездють, у берег ткнутья и по суткам живуть, загорають...

В приведенном небольшом отрывке из рассказа шесть глаголов в форме третьего лица единственного и множественного числа настоящего времени. И все их рыбак произносит с мягким *т* в окончании. В этом проявляется одна из ярких черт системы местного говора.

В каждом местном говоре имеется свой «набор» особенностей, связанных с образованием форм слов. Во многих отношениях очень важно уметь отличать такие формы от соотносительных форм русского литературного языка.

«ПОБЕЖАЛИ ПО ИВАНА...»

В упоминавшейся уже сказке «Конек-Горбунок» есть такие строчки:

И посыльные дворяна
Побежали по Ивана...

Для нас здесь интересно сочетание слов *побежали по Ивана*. Нетрудно определить, что по своему значению оно

служит для выражения действия и цели этого действия. Но почему вместо *за Иваном* автор написал *по Ивану*?

Ведь, как известно, в русском литературном языке в таких случаях используется предлог *за* с именем существительным в форме творительного падежа. Действительно, обычно мы говорим и слышим: *сбегай за Иваном (Колей, Катей)*, *ходили за грибами*, *пошли за водой (за молоком)* и т. д.

Однако во многих русских говорах в подобных словосочетаниях употребляется предлог *по* с именем существительным в винительном падеже. Особенно часто наблюдается такое употребление предлога *по* вместо *за* в северных говорах. Поэтому в северной русской диалектной речи нередко можно слышать: *сбегай по Ивану (по Колю, по Катю)*; *ходили по грибы (по ягоды)*; *пошли по воду (по молоко)* и т. д.

Эту особенность северных говоров и использовал в приведенном отрывке Ершов.

Как известно, в речи слова объединяются в словосочетания и предложения. Строение словосочетаний и предложений составляет синтаксис языка.

Русский язык в целом имеет единую синтаксическую основу. Это значит, что важнейшие правила (законы) построения словосочетаний и предложений в нем являются общими как для литературного языка, так и для местных говоров.

И все же в говорах нередко встречаются свои, местные синтаксические особенности. Одни из них связаны с построением словосочетаний, другие — с построением предложений. Часть таких особенностей присуща преимущественно северным говорам, часть — южным.

Познакомимся хотя бы с некоторыми синтаксическими особенностями, встречающимися в русских говорах.

Приехали *из города* — приехали *с города*

Кроме предлога *по*, в ряде русских говоров употребляются не так, как в русском литературном языке, и некоторые другие предлоги.

Обращают на себя внимание в этом плане, в частности, предлоги *из* и *с*. Оба они многозначны в русском языке и по некоторым своим значениям близки между собою. Так, например, в русском литературном языке оба они нередко служат для указания места, из которого исходит

действие. Сравните: *приехать из города, вернуться из школы, выйти из комнаты и приехать с Кавказа, вернуться с работы, прислать с Урала* и т. д.

Будучи близкими по значению и часто употребляясь в однотипных сочетаниях слов, в литературном языке эти предлоги тем не менее не смешиваются и не взаимозаменяются. Пользующиеся литературным языком, в частности, не употребляют предлог *с* вместо предлога *из* и не говорят *приехать с города, вернуться со школы*.

А вот в некоторых местных говорах такое использование предлога *с* вместо *из* оказывается довольно распространенным. Чаше оно наблюдается в русских говорах к западу и к югу от Москвы.

Пасут возле речки — пасут возле речку

Предлоги *подле, возле* в русском языке выражают значение близости, нахождения рядом с чем-либо. Словосочетания с этими предлогами обычно указывают на близость действия или предмета к чему-либо. Сравните: *жить возле леса, пасти возле реки, дерево подле дома* и т. д.

В русском литературном языке и в южнорусских говорах существительные после предлогов *возле, подле, мимо* всегда имеют форму родительного падежа.

А вот в части сѣверных говоров Архангельской, Вологодской, Кировской и других областей после этих предлогов существительные употребляются не в родительном, а в винительном падеже. Поэтому здесь и в настоящее время встречаются словосочетания типа *пасут возле речку, возле огород идти надо, подле берег росли, идти мимо избу* и т. д.

По-под горою, по-над рекою...

Кроме простых, одиночных предлогов, в русском языке имеются еще и сложные, или двойные. Из них в русском литературном языке наиболее употребительными оказываются *из-за, из-под*.

В русских говорах двойных предлогов значительно больше и встречаются они чаще. Среди них можно указать такие, как *по-над, по-под, по-за* и др. Сравните: *по-под горою тракторы пашут; по-над рекою птицы летят; по-за хлебом ушла; косили по-над лесом; по-за им идут* и др.

В подобных случаях в литературном языке используется лишь вторая часть такого предлога: *под горю, над рекой, за хлебом, за ним* и т. д.

Двойные предлоги наиболее часто встречаются в русских говорах к северо-востоку и к юго-западу от Москвы.

Дочки устроились — дочери устроивши

Семидесятитрехлетний Иван Карпович из рассказа Глеба Горышина «Ручеек» живет на реке Ловать в Новгородской области. У него есть сын и две дочери. Но они живут отдельно от отца, в других местах. Рассказывая о них заезжему писателю, Иван Карпович говорит:

Такое несчастье, сынок, случивши... После войны ен (сын деда. — В. Б.) запал от гранаты где-то в лесу нашел, ковырял — кисть на левой руки ему оторвавши, глаз выбивши. Как подумаю я об ем, сынок, сердце болить... А дочери у меня хорошо устроивши, в поселке квартиры у них. Я у одной поживу и у другой поживу...

Даже по этому небольшому отрывку можно заключить, что в речи Ивана Карповича имеются различные диалектные особенности.

Особое внимание обращает на себя в его речи то, что в качестве простого сказуемого вместо глаголов он употребляет деепричастия. Сравните: *несчастье случивши* вместо *несчастье случилось*; *дочки хорошо устроивши* вместо *дочки хорошо устроились*.

Это не оговорка в речи персонажа рассказа и не плод авторской фантазии. Дело в том, что в русских говорах Новгородской, Псковской и других северо-западных областей распространенным является употребление деепричастий в роли сказуемого. В диалектной речи там обычны предложения типа *каша пригоревши* (вместо *пригорела*), *он приехавши* (вместо *приехал*), *все засохши* (вместо *засохло*) и т. д.

Эту диалектную особенность северо-западных говоров и отразил автор в речи старого человека — персонажа рассказа.

Трактора *проехали* — у тракторов *проехано*

Только что упоминавшийся Иван Карпович из рассказа Глеба Горышина «Ручеек», встретив знакомых, говорит им: *...Пошел грибов поискать, да нету. У скота все вылизано. Скот пасут, ен усякий гриб слизывает...*

На некоторые особенности в речи Ивана Карповича уже обращалось внимание. А вот о предложении *У скота все вылизано* следует сделать несколько особых замечаний.

Дело в том, что в этом предложении действующее лицо указано, но не в форме именительного, а в форме родительного падежа с предлогом *у* (*у скота*). В то же время сказуемое выражено кратким страдательным причастием прошедшего времени в форме среднего рода. В результате предложение приобрело, несмотря на наличие действующего лица, грамматически безличный характер. Ведь подлежащего в форме именительного падежа в нем нет.

Предложения такого типа (в которых действующее лицо обозначено формой родительного падежа с предлогом *у*) в русском литературном языке не употребляются. А вот в некоторых русских говорах к северу и к северо-западу от Москвы, в том числе и в Новгородской области, они встречаются. Поэтому там и можно услышать фразы типа *У тракторов проехано тут* вместо *Трактора проехали тут*; *У пса убежано куда-то* вместо *Пес убежал куда-то* и т. п.

Здесь можно указать также, что в русских говорах есть и другие разновидности безличных предложений, отсутствующие в русском литературном языке. В качестве главного члена — сказуемого в них нередко используются страдательные причастия, образованные не только от переходных, но и от непереходных глаголов. Сравните: *У них в город уехано* вместо *Они в город уехали*; *Здесь волками хожено* вместо *Здесь волки ходили* и т. п.

В настоящее время такие синтаксические особенности даже в речи людей старшего возраста, пользующихся местными говорами, встречаются все реже и реже. Но полностью они пока еще не исчезли. Встречаются они и в произведениях художественной литературы.

ВОЛОГОДСКИЕ — РЯЗАНСКИЕ...

Более ста лет назад, в середине XIX столетия, непревзойденный знаток русской народной речи того времени В. И. Даль (1801—1872) писал: «Кто не узнает при первой речи уральского казака по резкой скороговорке его, донца — по особенной примеси южнорусского говора...»

А наш современник, писатель и журналист Олег Ларин, совсем недавно в одной из своих книг заметил, как бы подтверждая высказывание В. И. Даля: «Было время, когда по говору можно было определить, хотя и приблизительно, откуда человек родом. На столичной Комсомольской площади, куда стекаются пассажиры со всех концов страны, когда-то разливался шумный океан непривычной для московского уха речи. Волжан, владимирцев я узнавал по полному открытому звуку о..., жителей южных областей отличало мягкое, приглушенное г».

Быть может, по одной-единственной речевой особенности, да еще такой, которая встречается не в одном месте, определить, откуда человек родом, едва ли возможно даже специалисту. А вот по совокупности особенностей, которые наблюдаются в речи человека, пользующегося тем или иным местным говором, сделать это уже проще.

Но для нас сейчас приведенные высказывания интересны прежде всего как еще одно подтверждение тому, о чем уже говорилось в этой книге. Действительно, в каждой местности, на каждой территории существуют свои говоры. И каждый говор в лексике или в фонетике, в морфологии или в синтаксисе отличается не только от говоров удаленных территорий, но нередко и от говоров соседних мест.

В то же время при обязательности различий между разными говорами (при отсутствии различий не было бы и самих говоров) между многими из них есть и черты сходства в тех языковых особенностях, которые относятся к числу местных, диалектных. Естественно, что степень сходства и различий у говоров разных территорий неодинакова. Последнее было давно подмечено как лингвистами, так и теми любознательными людьми, которые особенно внимательно относятся к своеобразию русской речи и русского языка.

По наличию сходных и различительных особенностей лингвисты давно уже объединили все многочисленные говоры русского языка в так называемые наречия. К одному наречию обычно относятся такие говоры, которые, на-

ряду с различными, имеют и много общих, одинаковых диалектных особенностей.

В русском языке принято выделять два главных наречия — северное и южное. Нередко их называют также севернорусским и южнорусским.

Севернорусское наречие составляют местные говоры, для которых характерно оканье, *з* взрывное, *т* твердое в окончаниях глаголов 3-го лица единственного и множественного числа настоящего и будущего времени. Конечно, в каждом из севернорусских говоров имеются и другие диалектные особенности, нередко многочисленные и разнообразные. Но перечисленные оказываются не только общими для них всех, но и наиболее характерными. По оканью, *з* взрывному, *т* твердому севернорусские говоры заметно выделяются из всех говоров русского языка.

К южнорусскому наречию относятся местные говоры, для которых характерно аканье, *з* щелевое, *т* мягкое в окончаниях глаголов 3-го лица. Понятно, что южнорусские говоры, как и говоры севернорусские, не являются совершенно одинаковыми, имеют различия между собою. Но по указанным особенностям они, объединяясь в одно — южнорусское — наречие, заметно противопоставляются всем севернорусским говорам.

Говоры северного наречия распространены в основном на территориях к северу и северо-востоку от Москвы. Их южная граница условно может быть проведена от Ленинграда мимо городов Бежецка (Калининская область), Дмитрова и Загорска (Московская область), Костромы и далее на юго-восток за Волгой.

Северная граница южных говоров идет примерно от Смоленска на Калугу, Тулу и Рязань, откуда западнее Пензы уходит на юг.

Между говорами северного и южного наречий распространены так называемые среднерусские говоры. Их среднее, промежуточное положение между говорами северными и южными проявляется не только в географическом положении, но и в присущих им языковых особенностях. Дело в том, что в среднерусских говорах своеобразно сочетаются как некоторые особенности северных говоров, так и некоторые особенности говоров южных. Для многих среднерусских говоров, в частности, характерно аканье (как и для говоров южнорусских). Но ему сопутствует не *з* щелевое, как в говорах южного наречия, а *з* взрывное — типичная особенность говоров северного наречия.

Объясняется такое своеобразие среднерусских говоров особенностями их возникновения. Исторически они образовались в результате взаимодействия тех северных и южных говоров, которые находились на смежных, пограничных территориях. Такое соседство и взаимодействие окающих и акающих говоров имело место прежде всего в центральных районах страны, в частности в Москве, а также к северо-западу и западу, к югу и юго-востоку от нее. Там возникли среднерусские говоры, там в основном они и теперь распространены.

Распространение северных, южных и среднерусских говоров показано на карте «Наречия русского языка» (с. 87).

Внутри каждого из наречий русского языка между местными говорами тоже есть различия в фонетике, в грамматике, в словарном составе. При этом, как правило, говоры близлежащих территорий более сходны между собою. А говоры территорий, удаленных даже в пределах одного и того же наречия, могут заметно различаться.

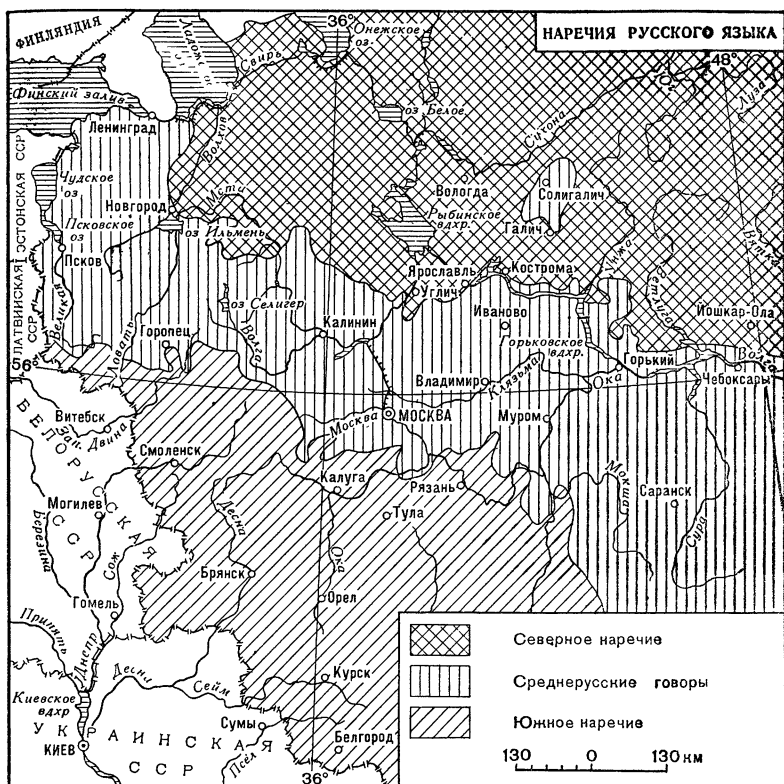
По степени сходства и различий внутри каждого наречия говоры обычно объединяются в так называемые группы говоров. Так, в частности, в северном наречии выделяются говоры вологодской, костромской, ладожской групп. Кроме того, среди северных говоров особо выделяются говоры онежские, белозерские и некоторые другие.

В южном наречии ученые-диалектологи выделяют смоленские, брянские, курско-орловские, рязанские, тульские и некоторые другие группы говоров.

В числе среднерусских говоров выделяются такие, например, говоры, как псковские, новгородские, калининские, горьковские и некоторые другие.

Говоры каждой группы внутри наречий выделяются по совокупности общих для них словарных, фонетических и грамматических особенностей. В небольшой книжке нет возможности подробно рассмотреть различия между группами говоров. Но несколько примеров таких различий, преимущественно словарного характера, здесь все же следует указать.

Так, в частности, в вологодских говорах валец для выколачивания белья при стирке называют словом *палка*. А в ладожских говорах для этого используется слово *палица*. Разница в назывании одного и того же предмета здесь вроде бы и небольшая. Но она есть. И проявляется в том, что от одного и того же корня в одних (вологод-

ских) говорах слово образовано с помощью суффикса *-к-* (*пал-к-а*), а в других (ладожских) — с помощью суффикса *-иц-* (*пал-иц-а*).

В тех же вологодских говорах привычно звучит сочетание слов *рвать лен*. А в соседних, костромских, говорах это словосочетание не употребляется. Костромичи обычно говорят *теребить лен*. Хотя в том и в другом случае речь идет о дерганье льна (лен не жнут и не косят, а именно дергают, теребят из земли).

Жеребенка в возрасте до одного года в вологодских говорах называют *селеток* (*сего лета* — «этого года»), а в костромских — *сосунок*.

Если в русском литературном языке корова *мычит*, то в северных онежских говорах она *мукает*, а в северных белозерских — *мырчит*, *мыркает*.

А вот отдельные словарные примеры неполной одинаковости южнорусских говоров.

В смоленских говорах ухват обычно называют словом *вилки*. В говорах курско-орловской группы в этом же значении используется слово *емки*. А в рязанских говорах ухват чаще называют *рогачом*. Со значением «сковородник» в смоленских говорах употребляют слово *чапела*, в рязанских — *цапля*, а в тульских — *чапельник*. В значении «прятать» смоленские говоры знают слово *ховать*, а в брянских говорах для обозначения этого действия употребляют слово *хоронить*.

Жеребенка по второму году смоленцы назовут *стригуном*, брянцы — *другаком*, а куряне и орловцы — *стрыгуном*.

Не во всем сходны между собою и те говоры, которые относятся к числу среднерусских. Объясняется это прежде всего тем, что в разных из них по-разному сочетаются северные и южные черты. Поэтому каждая из уже называвшихся групп среднерусских говоров имеет те или иные особенности, отличающие ее от других среднерусских говоров. Так, в частности, псковские говоры — это говоры акающие. А вот калининские, новгородские, горьковские говоры — преимущественно говоры окающие.

В псковских говорах лен *тягают*, а не *дергают* и не *теребят*. Здесь же цыплят называют *курчатами*, *курятами*, *курёнками*. А трехлетнюю лошадь — *боронкой* (видимо, по слову *боронить*, так как на молодых лошадях трехлетнего возраста обычно еще не пахали, но уже нередко боронили пашню). Потомственные псковитяне крапиву нередко именуют *стрекáвой* (от глагола *стрекаться* «жечься, колоться»), клюкву — *журавинной*, петуха — *петуно́м*, брюкву — *ка́ливкой*, грибы — *бл́ицами* и т. д.

Большое количество своеобразных местных слов отмечают наблюдатели и в калининских говорах. По сведениям А. Ю. Меркулова, одного из исследователей этих говоров, здесь выявлено одних лишь местных названий кушаний около трехсот. Среди них: *налива́ха* — «лепешка», *ры́жик* — «пряник», *топлёнка* — «молочная каша», *сту́льчик* — «мучной кисель», *карто́фельница* — «запеканка из картофеля», *болтоки́ша* — «простокваша» и др.

Примерами новгородских слов могут быть такие, как *бредина* — «ива», *гла́жи* — «морошка», *сдво́рок* — «усадебная, дом с хозяйственными постройками», *ухо́жь* — «пастбище», *гу́ща* — «ячменная каша», *третья́к* — «лошадь трех

лет», *ка́лика* — «брюква», *мо́лѡжа* — «строевой еловый лес», *шелепня́к* — «мелкий лиственный лес» и др.

Различия между группами говоров достаточно ярко проявлялись еще в первой половине нашего столетия. Теперь под воздействием русского литературного языка они заметно утрачиваются.

Более устойчиво сохраняются прежде всего те местные особенности русской речи, которыми основные наречия русского языка различаются между собою (например, *оканье*, *э* щелевое, *т* мягкое в окончаниях глаголов и некоторые другие).

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ И ДИАЛЕКТОЛОГИ

Даже тот сравнительно небольшой материал, который приведен в этой книге, показывает, насколько географически разнообразен русский язык в своем словарном составе, в звуковом строе, в грамматике.

Наличие местных, территориальных особенностей в русском языке давно обратило на себя внимание ученых, стало предметом специальных научных исследований. И это не случайно.

Знание местных особенностей русской речи может быть использовано для решения многих важных научных и практических вопросов. Здесь прежде всего следует отметить то, что без учета своеобразия местных говоров неполными и недостаточными оказываются наши общие представления о русском языке как языке русского народа, о его сложности, о наличии в нем географических различий, о тех дополнительных богатствах и выразительных возможностях, которыми он располагает.

Русский язык развивался на протяжении многих веков. Изучение его истории — важная задача науки о языке. Но изучать историю русского языка по существу невозможно без знания русских говоров. Как справедливо отметил профессор В. В. Колесов в своей научно-популярной книге «История русского языка в рассказах» (2-е изд, перераб. М., 1982), в русских говорах «в одном месте сохранились старые формы местоимений, в другом — имен существительных, в третьих — глаголов. Сравнивая такие остатки друг с другом и с памятниками древней письменности, можно проследить развитие тех или иных слов в русском языке, понять причину их изменений».

Учет особенностей местных говоров очень важен при изучении целого ряда вопросов истории русского народа, в частности вопросов его расселения в пределах нашей страны. Ведь особенности любого конкретного говора достаточно определенно могут указывать, скажем, на северную или южную основу в историческом происхождении того населения, которое пользуется этим говором. Уже поэтому историков не могут не интересовать местные говоры при изучении истории конкретных групп русского населения, как и при изучении истории русского народа в целом.

Трудно обойтись без знания местных говоров при изучении и объяснении географических названий (топонимов). Многие из них образованы на основе диалектных слов. С их помощью такие топонимы и объясняются. Так, в Среднем Поволжье встречаются наименования селений типа *Баклуши*, *Буераки*, *Еланка*, *Ендовина*, *Высокий Колок*, *Крутец*, *Курмыш*. Объяснить и понять эти названия можно, если учесть, что в средневожских говорах и до сих пор известны такие нарицательные слова, как:

баклу́ша — «небольшое озерко, понижение, ямина, которые весной заполняются водой»;

буера́к — «овраг»;

ела́нь — «поляна в лесу; луг, ровное открытое место, поросшее травой»;

ендо́вина — «котловица, округлая долина»;

ко́лок — «лесок среди пашни, роща близ речной долины»;

круте́ц — «крутой возвышенный берег долины, холм с крутыми склонами»;

курмыш — «несколько соседних домов в селении, небольшой поселок, деревенька».

Знание местных языковых особенностей в ряде случаев помогает лучшему пониманию своеобразия языка художественных произведений. В этом нетрудно было убедиться и по примерам, которые приводились в книге ранее.

Неудивительно, что исследованием русской народной речи, ее местных (территориальных) особенностей занимались и занимаются многие ученые-языковеды. Среди них были такие выдающиеся деятели русской науки, как М. В. Ломоносов (1711—1765), В. И. Даль (1801—1872), И. И. Срезневский (1812—1880), А. А. Потебня (1835—1891), А. И. Соболевский (1857—1929), А. А. Шахматов (1864—1920), Д. Н. Ушаков (1873—1942), В. И. Чернышёв (1867—1949), Р. И. Аванесов (1902—1982), Ф. П. Филин (1908—1982) и другие.

В процессе деятельности ряда поколений ученых сформировалась особая отрасль языковедческой науки — русская диалектология (греч. *dialectos* — речь, разговор, говор; *logos* — учение).

Предметом диалектологии является изучение местных говоров русского языка в их современном состоянии и историческом развитии. В числе более конкретных задач этой науки можно указать такие, как установление диалектных различий русского языка; выявление территорий их распространения, исследование исторического происхождения таких различий, описание отдельных местных говоров, подготовка диалектологических атласов, изучение изменений, происходящих в местных говорах в условиях социалистического общества, и т. д.

Важную задачу диалектологии составляет изучение словарного состава местных говоров и создание словарей местных слов. И это понятно. Местные слова не только многочисленны и разнообразны в русском языке. Часть из них вошла в русский литературный язык и обогатила его.

К настоящему времени создано большое количество различных словарей местных слов русского языка. Среди них можно выделить общие словари, в которых объясняются местные слова разных территорий. Имеется немало и таких словарей, которые объясняют диалектные слова отдельных говоров или групп говоров тех или иных местностей.

К общим словарям относится составленный В. И. Далем «Толковый словарь живого великорусского языка» в четырех томах; «Словарь русских народных говоров», издающийся в настоящее время Институтом русского языка АН СССР, и некоторые другие. Примерами словарей второго типа могут быть: «Архангельский областной словарь» под редакцией О. Г. Гецовой (1980); «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» под редакцией И. А. Оссовецкого (1962); «Псковский областной словарь» (1967); «Словарь русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова (1980); «Краткий Ярославский областной словарь» Г. Г. Мельниченко (1961); «Словарь говоров Подмосковья» А. Ф. Ивановой (1969); «Словарь русских говоров Среднего Урала» (1964, 1971); «Словарь говоров Соликамского района Пермской области» О. П. Беляевой (1973); «Словарь смоленских говоров» под редакцией А. И. Ивановой (1974); «Опыт словаря говоров Калининской области» (1972) и другие.

Среди составителей словарей было немало настоящих энтузиастов этого дела, посвятивших ему значительную часть своей жизни.

Иначе как подвигом во славу русского языка нельзя назвать более чем пятидесятилетний труд В. И. Даля по созданию четырехтомного «Толкового словаря живого великорусского языка». Более двухсот тысяч слов собрал и объяснил в своем словаре этот подвижник русского слова. Одних только пословиц и поговорок для объяснения слов в словаре использовано более тридцати тысяч. Словарь В. И. Даля впервые был опубликован более ста лет назад (1863—1866 гг.). Но и сейчас его с полным основанием называют сокровищницей русского слова. Именно поэтому он неоднократно переиздавался. Одно из последних его переизданий было осуществлено в 1978—1980 гг.

Как рассказывают биографы В. И. Даля, первое слово для своего словаря записал он в 1819 году семнадцатилетним юношей.

После окончания морского училища молодым мичманом ехал он к месту службы. В те времена даже далекие поездки совершались только на лошадях.

Бесконечная, как ямщицкая песня, дорога, серые валуны, слепящий снег, дикий, суровый, прекрасный своей первозданной красотой край. Тишина, безлюдье. Лишь изредка набегают убогие деревеньки, до самых окон заваленные снегом. В белесой голубизне тает прозрачный дым из труб, а потом снова десятки верст ни жилья, ни живой души. От этого раздолья, от быстрой езды легко и радостно на душе у мичмана Владимира Даля, хотя он весь закоченел от холода. Офицерский мундир, первые эполеты, сабля с темляком и полная свобода после пятилетнего пребывания в казарме — это что-нибудь да значит для юноши семнадцати с половиной лет.

Дюжий ямщик все поглядывал на седока — не замерз ли и очень обрадовался, выехав на пригорок: справа, из-за дальнего леса, наплывали тучи.

— Замолаживает, — ободрил он мичмана.

Даль взглянул на ямщика с удивлением.

— Как замолаживает? — переспросил он.

— Замолаживает, — повторил ямщик. — Вишь, пасмурнеет. Знать, к теплу.

Владимир достал из кармана тетрадь в коричневом переплете и закоченевшими пальцами записал:

«Замолаживает — в Новгородской губернии значит: небо пасмурнеет, заволакивается тучами».

Лошади бежали дружно. Стремительно мелькали версты. Даль спрятал тетрадь. Он не придал особенного значения этому разговору и даже забыл, где, возле какой станции это было. И только впоследствии стало ясно, что тогда произошло чрезвычайное событие: было записано, по свидетельству самого автора, первое слово знаменитого словаря живого великорусского языка.

(М. Бессараб. Владимир Даль.)

Через пятьдесят три года после описанного случая, в 1872 году, за неделю до смерти В. И. Даль попросил дочь записать последнее слово для своего словаря.. Многолетнюю работу В. И. Даля по созданию словаря с полным основанием можно и должно назвать неопределимым вкладом в развитие русской культуры и науки о русском языке.

В. И. Даль не одинок на этом поприще. Около сорока лет собирал материалы для «Словаря русских говоров Забайкалья» исследователь Л. Е. Элиасов. Почти десять тысяч местных слов, употребляемых русскими — забайкальцами, объясняется в его словаре. Вот несколько примеров забайкальских слов из этого словаря. *Ангарá* (ветер в северной части Байкала), *багрéц* (тонкая шелковистая ткань красного цвета), *бáйда* (высокая скала), *белодúшка* (белка с белой шерстью на животе и груди), *каню́ка* (кукушка), *козúца* (небольшой кузовок), *лúкша* (горное озеро), *пóгруж* (поклажа, груз), *улúс* (бурятское поселение), *ядúн* (ключ, источник, родник).

Под руководством известного советского ученого Ф. П. Филина была начата работа по составлению сводного «Словаря русских народных говоров». Готовят этот словарь научные сотрудники Института русского языка АН СССР. Ими используются ранее опубликованные и рукописные материалы многих и многих исследователей русских народных говоров. Предполагается, что этот сводный словарь будет состоять из тридцати — тридцати пяти выпусков, больше половины из которых уже издано. Более полного словаря-справочника по русской народной речи у нас еще не было. Правда, в упоминавшемся словаре В. И. Даля содержится свыше двухсот тысяч слов. Но не следует забывать, что значительная часть из них относится к числу литературных.

«Словарь русских народных говоров» не просто объясняет диалектные слова. Он дает сведения и о том, где объясняемое слово было записано, на какой территории, в каких говорах оно употребляется. Вот один из примеров объяснения слов в этом словаре.

Мжель, -и, ж. Мелкий дождь, изморось. *В осень мжель день и ночь сыпе.* Красногор., Брян., 1970....

После объясняемого слова даны грамматические пометы: указано окончание родительного падежа единственного числа *-и*, а также то, что слово относится к женскому роду (*ж*). Объяснение слова сопровождается примером употребления его в предложении (*В осень мжель день и ночь сыпе*). Затем указывается район и область, где было записано это слово (Красногор., Брян.) — Красногорский район Брянской области. Тут же отмечено время записи слова (1970) — 1970 год.

Далее объясняются родственные слова: *мжéние* — «мгла»; *мжить* — «моросить» (о дожде); *мжётся* — «затягиваться холодным туманом»; *мжйца* — «мелкий дождь, изморось»; *мжйчить* — «моросить»; *мжйчка* — «мелкий дождь, изморось» и т. д.

По каждому слову и его значению приводятся сведения о том, где и когда оно записано. (О слове *мжель, мжить* и др. см.: Словарь русских народных говоров. М., 1984, вып. 18, с. 151.)

Так, слово *мжить* отмечено в говорах Брянской, Воронежской, Калужской, Курской, Орловской, Тамбовской, Тульской областей. А слово *мжйчка* записано в Калужской, Курской, Ростовской областях, в Ставропольском крае, на Дону и Кубани. По этим данным нетрудно заметить, что слова с корнем *мж-* используются в русских говорах к югу от Москвы и имеют ярко выраженный южно-русский характер.

Можно сказать, что почти каждое из многих тысяч слов словаря получает в нем вместе с объяснением значения и своеобразную «прописку» по времени и месту своего основного бытования. Словарь, безусловно, явится незаменимым справочным пособием.

В своем стремлении познать местные говоры диалектология не может удовлетвориться лишь тем, что выявляет существование тех или иных местных особенностей русского языка. Не менее важно для нее и установление того, в каких говорах эти особенности встречаются, на каких территориях они распространены.

С этой целью диалектологи картографируют, т. е. отмечают на картах места бытования выявленных диалектных различий. Каждому диалектному явлению посвящается отдельная карта. Набор карт, показывающих распространение диалектных особенностей в пределах той или иной территории, и называется диалектологическим атласом этой территории. Диалектолог Л. Л. Касаткин так описывает процесс картографирования диалектных особенностей:

Представьте, что перед вами пачка карт вашей области. На них тонкими линиями нанесены только границы области, основные реки и города. И по всей карте разбросана сеть точек с номерами возле них. Эти точки стоят на месте сел и деревень, а номера — их условное обозначение. Все карты одинаковые, и больше на них ничего нет. Допустим, вы знаете говор каждой деревни, помеченной точкой на карте. Начнем составлять атлас. Вы берете первую карту. Ее можно посвятить, например, оканью и аканью (если на территории области есть и то и другое). Нарисовав возле каждой точки деревни, где окают, черный сплошной кружок, а там, где акают, контурный кружок, получаем первую карту атласа... Так, показав на отдельных картах все известные диалектные явления, вы составите диалектологический атлас вашей области.

(Л. Н. Булатова, Л. Л. Касаткин, Т. Ю. Строганова. О русских народных говорах.)

Диалектологические атласы могут быть общими, охватывающими всю территорию, на которой распространен язык. Могут они быть и областными, охватывающими лишь часть территории распространения языка.

Надо сказать, что работа по составлению диалектологических атласов сложна и трудоемка. Она требует напряженных усилий, как правило, многих людей в течение длительного времени. Ведь чтобы составить диалектологический атлас даже ограниченной территории, необходимо подготовить специальную программу, по ней изучить местные говоры многих населенных пунктов, собрать многочисленный и разнообразный языковой материал, систематизировать его, картографировать...

После Великой Отечественной войны в нашей стране была проведена громадная работа по подготовке «Диалектологического атласа русского языка», Возглавил эту рабо-

ту Институт русского языка АН СССР, а непосредственно руководил ею на протяжении многих лет видный советский лингвист Р. И. Аванесов.

В европейской части страны, там, где исторически сложились наречия русского языка, по единой программе были обследованы местные говоры буквально тысяч населенных пунктов. Программа обследования включала около трехсот вопросов. В сборе материалов для атласа, кроме сотрудников Института русского языка АН СССР, активное участие принимали студенты и преподаватели многих университетов и педагогических институтов.

Уже в конце 50-х годов был издан «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». В настоящее время завершена работа по подготовке «Диалектологического атласа русского языка» в трех выпусках под редакцией Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. Он, бесспорно, будет неоценимым научным и справочным пособием для всех, кто заинтересованно относится к русскому языку. Значимость и ценность атласа заключаются в том, что он дает наглядную картину территориального своеобразия русской народной речи. Атлас поможет решить многие вопросы, связанные с историей русского народа и с историей формирования русского языка.

В настоящее время есть все основания говорить о диалектологии как об одной из важных наук, изучающей территориальное (географическое) распространение и своеобразие русского языка в прошлом и настоящем.

РОДНАЯ РЕЧЬ РОДНОГО КРАЯ

Прочитана книга о русской народной речи, о русских народных говорах. Конечно, из-за небольшого объема в ней не было возможности подробно рассказать об этих сложных явлениях русского языка. И все же некоторое представление о них у прочитавших книгу, видимо, сложилось. И теперь повнимательнее прислушивайтесь к русской речи той местности, тех мест, где вы живете. Повнимательнее прислушивайтесь к речи родного края.

Земля родная, край родной... Это прежде всего места, где начиналась наша жизнь, где проходит или проходило наше детство. Они всегда близки и дороги каждому из нас. Даже если, став взрослыми, мы и оказываемся вдали от них.

Родные места — это все, что окружает и сопровождает нас в детстве. В том числе и речь. Речь тех, с кем связа-

но начало нашей жизни, кто вводил или вводит нас в сложный и прекрасный мир жизни. Родной говор, с детства привычная речь нередко оказываются самыми живыми приметамы отчих мест.

И не случайно в воспоминаниях взрослых о детстве, в их представлениях о родном крае, когда они оказываются вдали от него, не последнее место занимает и родная речь в ее наиболее ярких и своеобразных проявлениях. Нельзя не согласиться с поэтом Николаем Рыленковым, который в книге «Сказка моего детства» (М., 1976) пишет:

Не собирал я редкие словечки,
Но звук родной всегда в душе живет.
Вот место, где сливаются две речки,
Его назвал сутоками народ.
И что мне в том, что в словарях толковых
Такого слова не было и нет,
В нем пенье струй я слышу родниковых,
На шелест трав, на шум лесов ответ.
Его истоки глубоки и чисты,
Я сам его прозрачности дивлюсь.
Так пусть дополнят словари лингвисты,
Твердя стихи поэтов наизусть.

А поэт Анатолий Азовский в стихотворении «Родина» так пишет о неотъемлемости родного говора от «малой родины» своей:

Когда в душе зашевелится древний
Славянский дух и в горле встанет ком,
Ты загрустишь и вспомнишь о деревне
С таким тягучим вятским говорком...
И пусть там жизнь уже совсем иная,
Ты свято помни до скончанья дней,
Что та земля — твоя земля родная,
И ты должник извечный перед ней.

Неразрывно связывает родные места с особенностями родной речи писатель Валентин Распутин. Раскрывая свое понимание «малой родины», он замечает в статье «Нужно взволнованное слово»:

...«малая родина» — это не только природа в деревне и история в городе, но еще и человеческие взаимоотношения, уклад и традиции живущих. Это и язык (выделено мною. — В. Б.), и мечты, и определенные склонности, вынесенные из самой земли вместе с ее солью. Это «родимые» пятна каждого человека...

В чем конкретно заключается и проявляется своеобразие родной речи родного края?

Уже по сказанному в этой книге можно утверждать, что во многом.

Прежде всего, в общей манере говорить, в темпе речи, в интонационной окраске и в звуковом оформлении ее. Современный корреспондент одной из центральных газет, рассказывая о женщинах Беломорья, пишет: «Я смотрю на эту пожилую женщину, слушаю ее беглую певучую речь с характерным северным «растягом»...

А изучавшая на протяжении многих лет быт и труд архангельских поморов (жителей северных приморских мест) К. П. Гемп так описывает свои впечатления от их речи: «Речь помора немногословна при наличии богатой лексики. Немногословность объясняется свободным владением словом, способностью и умением выбрать его для точного выражения мысли, без дополнительных речений и объяснений. Его речь всегда образна, построена по типу пословицы. «Стáры пословицы не мимо дела», говорит помор». (Советская Россия, 1983, № 135.)

Изучающие народную речь часто отмечают ее яркость и образность, насыщенность пословицами и поговорками, свойственное ей, по выражению писателя Федора Абрамова, «многоцветное краснословье». При этом оно, «многоцветное краснословье» народной речи, нередко оказывается разным в разных местах. Ведь в каждой местности традиционно бытуют в какой-то мере свои способы, средства украшения речи, в какой-то части свои пословицы и поговорки, скоморошины и прибаутки. И это «свое краснословье» — яркая примета и особенность родной речи родного края! Знаете ли вы их?

О том, как много может быть в каждой местности своих слов, достаточно говорилось в этой книге. Те из них, которые чаще употребляются местными жителями или оказываются наиболее своеобразными, и делают местную речь легко узнаваемой и по-своему близкой для тех, кто связан с этой местностью. Обратили ли вы внимание на такие слова?

Естественно, что своеобразие и неповторимость речи родного края могут проявляться и в разнообразных фонетических и грамматических особенностях ее, подобных тем, о которых говорилось в предшествующих главах книги. Заметили ли вы их?

Чтобы лучше чувствовать и воспринимать родную речь, надо внимательнее к ней относиться. Надо учиться

понимать не только то, что говорят, но и то, как говорят. Определять в речи то, что делает ее своеобразной, точной, привлекательной или просто запоминающейся.

Алексей Максимович Горький, описывая в повести «Детство», как бабушка рассказывала ему сказку, обращает внимание на многие моменты, связанные с речью и поведением сказочницы: на негромкость ее голоса (*Сказки она сказывала тихо, тинственно...*), на напевность ее речи (*говорит, точно поет, и чем дальше, тем складней звучат слова...*), на рифмованность ее речи (*...сидит в подпечке старичок домовой, занозил он себе лапу лапшой...*), на движения, которыми бабушка сопровождает свой рассказ (*...подняв ногу, она хватается за нее руками, качает ее на весу и смешно морщит лицо, словно ей самой больно...*).

Все эти подробности сохранились в памяти великого писателя лишь потому, что, будучи мальчиком, он очень внимательно слушал, как бабушка рассказывала сказку, наблюдал за всеми ее действиями во время рассказа.

А знаете ли вы своих местных сказочников, рассказчиков? Приходилось ли вам слушать их? А если приходилось, пытались ли вы определить, в чем своеобразие их речи, чем она привлекательна?

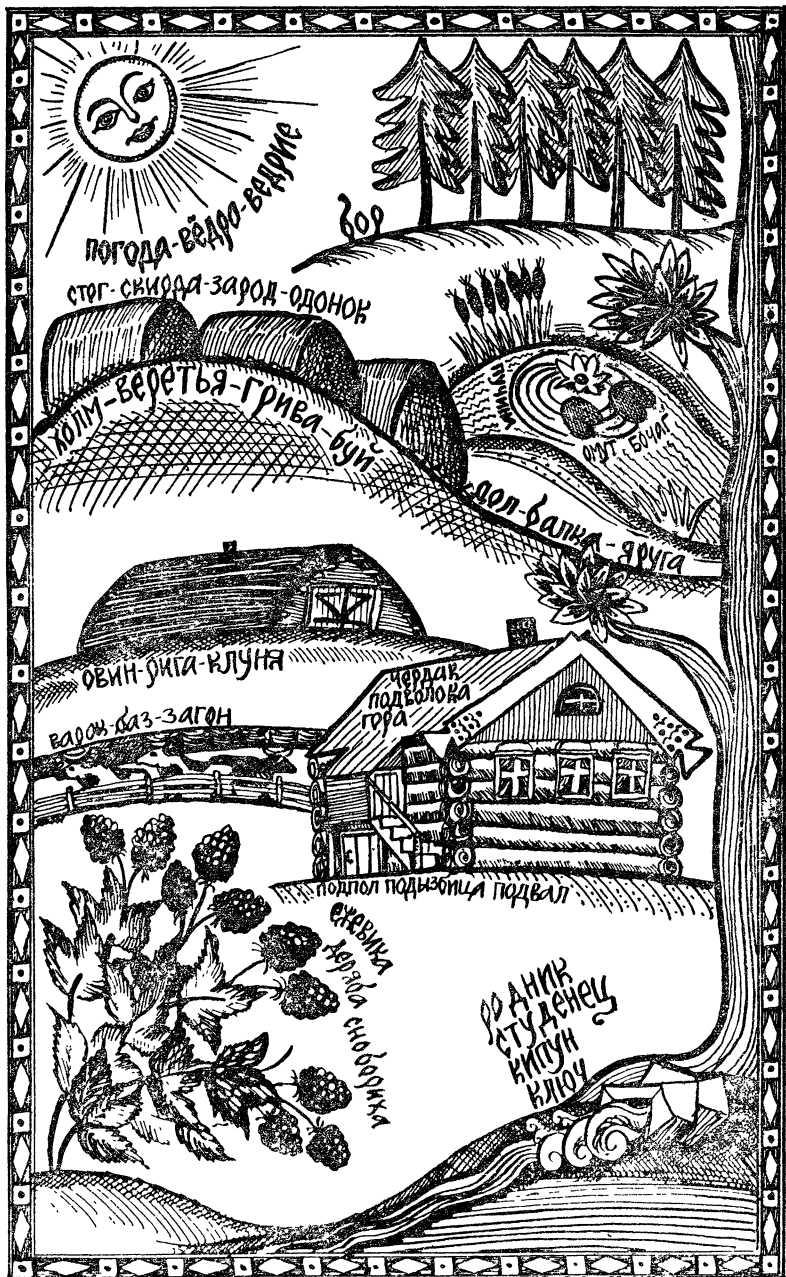
Прислушивались ли вы к речи тех местных жителей, которые работают в поле, на ферме, в лесу? Тех, кто пасет стадо, работает на пасеке, занимается строительством? Приходилось ли вам беседовать с садоводами, с огородниками, с рыбаками и охотниками? С теми, кто своим повседневным трудом и создает все необходимое для жизни?

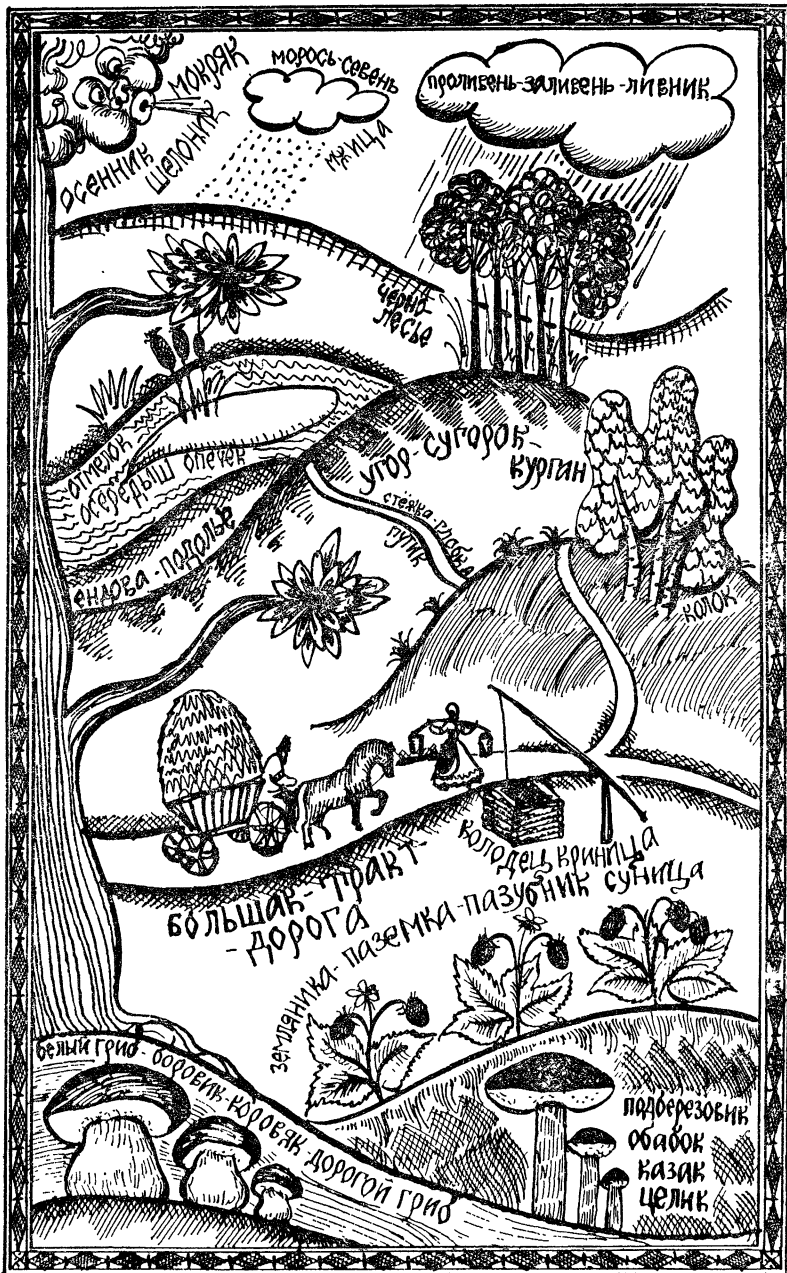
Нет сомнения в том, что, слушая таких людей, вы многое познаете в окружающей вас природе и жизни, в тех профессиональных делах, которыми занимаются окружающие вас взрослые — родственники, соседи, земляки.

Одновременно вы многое узнаете и из того, чем богат русский язык, родная речь родного края.

«Русский язык, — писал Константин Паустовский, — открывается до конца в своих поистине волшебных свойствах и богатстве лишь тому, кто кровно любит и знает «до косточки» свой народ и чувствует сокровенную прелесть нашей земли...»

Чтобы выявить своеобразие русской речи тех мест, где вы живете, попытайтесь сами или с помощью родственников, соседей, местных старожил ответить на вопросы, которые здесь предлагаются.

Как, например, у вас называются:

1. Горы, холмы, курганы, возвышенные места (*буй, ветретья, грива, мар, рёлка, угор, сугорок...*);

2. Долины, низменности, впадины, овраги (*дол, суходол, балка, лощина, ендова, подолье, яруга, верх...*);

3. Лес по породам деревьев, по густоте, по величине (*бор, чернолесье, олешие, сузём, тайбола, рамень, гай, колок, урёма, корба, ляда, рада...*);

4. Луга и их разновидности (*покос, пожня, наволок, бережина, полой, оболонь, елань, шутём, исада...*);

5. Укладки сена (*копна, куча, промежек, кабан, одонок, озород, зарод, заколье...*);

6. Ручьи, родники, ключи (*родник, студенец, кипун, ручей, ключ, криница...*);

7. Озера, пруды и их виды (*озерко, ламба, сор, морцо, лиман, ставок, копань...*);

8. Болота и их виды (*болото, багно, дрягва, мишара, ляда, зыбун, моховище, чаруса, солоть, качь, калуга, согра...*);

9. Пойма реки (*урёма, полив, разлив, залой...*);

10. Глубокие места в водоемах (*пучина, омут, бочаг, вадега, колдыбань, балуда, вырь...*);

11. Мели в водоемах (*мелина, отмелок, опечек, осерёдыш, отлесье, шивера, сорма, шалыга...*);

12. Лед и отдельные льдины (*шуга, наслуд, донник, припай, крыга, икра, забереги, наледь...*);

13. Белый гриб (*борозик, дорогой гриб, коровяк, медвежник...*);

14. Гриб подосиновик (*боровик, красин, красноголовик, осиновик...*);

15. Гриб подберезовик (*берёзовик, обабок, казак, целлик...*);

16. Красная смородина (*киселка, киселица, княжанка, княжика, команец, лядуница, прутовица, сестреница...*);

17. Ягода земляника (*паземка, пазонка, пазубник, полуница, сунница, землянка...*);

18. Ягода ежевика (*деряба, команика, ожина, снобориха...*);

19. Ягода клюква (*жарава, жаравица, жаровиха, журавина, красниха*);

20. Хорошая погода (*погода, вёдро, ведрие...*);

21. Плохая, ненастная погода (*непогодь, осенница, шивера, мокринец, хижга, лепень...*);

22. Ветры (*сивер, рекостав, сивун...— северный; летник, хилок...— южный; сток, зимняк...— восточный; осен-*

ник, шелоник, мокряк...— юго-западный; *весняк, обедник*...— юго-восточный; *поветерь*...— попутный ветер...);

23. Мелкий дождь (*морось, моросейка, севень, ситник, порось, мжица, бусенец*...);

24. Сильный дождь (*ливник, заливень, полива, поплавень, проливень, окатный*...);

25. Бураны и снегопады (*поземка, понизовка, волокуша; суметь, пурга, метуха, падера, шурган, кура, хвилюга*...);

26. Иней (*куржсень, куржак, ивень, кухта, окидь, обмороз, врасенец*...);

27. Дороги и тропы (*большак, тракт, шлях; зимник, летник, объездок, стёжка, глобка, отынок, путик*...);

28. Изгороди и их типы (*городьба, горожа, огородь*...— общее название изгородей; *осек, огород, прясла, заплот, тын, острокол, плетень*...— типы изгородей);

29. Колодцы и их виды (*криница, копань, ровень, рутка, кудук*...);

30. Место, где находится дом с хозяйственными постройками (*подворье, усад, одворица, пазьмо, осырок*...);

31. Жилой дом (*изба, хата, курень*...);

32. Чердак (*потолок, подволока, гора, горище*...);

33. Ход в подполье (*подпол, подызбица, голбец*...);

34. Постройка для скота (*хлев, котух, стая*...);

35. Открытое огороженное место для скота (*калда, ворок, баз, загон*...);

36. Посуда для молока (*горшок, кринка, балакирь, горлач, глечик*...);

37. Говорить (*разговаривать, баять, гутарить, балакать, бахорить*...).

38. Какое из следующих слов употребляется в вашей местности (*очень, дюже, порато*...)?

39. Определите, оканье или аканье характерно для вашей местности, *о* или *а* произносится в безударных слогах таких, например, слов, как *вода, гора, столы, город, пошли, просил, косил, посмотри, огород* и т. п.

40. Какой звук, *г* или *гь*, употребляется в вашей местности в словах *гусь, гора, гости, огонь, дорога*?

41. Твердое или мягкое *т* произносятся в окончании глаголов третьего лица? Говорят *несет* или *несеть, несут* или *несуть, живут* или *живуть*?

42. Какие еще особенности характерны для говора вашей местности?

43. Судя по ответам на поставленные здесь вопросы, к какому из наречий русского языка относится говор вашей

местности? Северным, южным или среднерусским является он?

44. Какие пословицы и поговорки наиболее характерны для вашей местности?

Если этот перечень вопросов окажется для вас излишне большим, то самостоятельно сократите его. Выберите наиболее интересные для вас вопросы-задания, связанные с определенными группами местных названий, например с названиями построек и их частей или с названиями растений и т. д.

Наблюдения и ответы по указанным вопросам старайтесь записывать в блокнот или в тетрадь.

Записи о словах следует оформлять примерно так, как это делается в словарях. Сначала записывается объясняемое слово в начальной форме и с указанием места ударения в нем. Для склоняемых слов после начальной формы по возможности следует указать форму родительного падежа. Затем объясняется значение слова. Примеры того, как объясняются слова, неоднократно приводились в этой книге. Здесь следует отметить, что объяснения слов, называющих те или иные предметы, в записях можно дополнять зарисовками этих предметов.

Наблюдениями над местным говором можно заниматься самостоятельно. Но еще лучше проводить их под руководством учителя русского языка в школьном кружке русского языка. В этом случае можно быстрее приобрести необходимые для наблюдения над речью знания и навыки, получить возможность проверять и контролировать результаты своей работы.

О том, что вы узнаете, изучая говор родных мест, расскажите на заседании кружка русского языка, на факультативных занятиях, а при случае и на уроке русского языка или литературы. Напишите об интересных словах заметку в классную или школьную стенгазету.

Не приходится сомневаться, что если вы проявите внимательное отношение к своему родному говору, то найдете в нем много интересного и поучительного. Такого, что обогатит ваши знания о русском языке, будет способствовать развитию вашей собственной речи, значительно расширит знания об окружающей жизни.

**Алфавитный указатель
диалектных слов и слов с диалектными значениями,
встречающихся в книге**

<i>Алѣх</i> 55 ¹	<i>Верх</i> 102
<i>Ба́бка</i> 51	<i>Верю́га</i> 38, 39
<i>Бабу́ха</i> 49	<i>Весня́к</i> 103
<i>Багно́</i> 102	<i>Вѣтренка</i> 44
<i>Баз</i> 28	<i>Вешка́рь</i> 51
<i>Баклу́ша</i> 90	<i>Вѣдро</i> 102
<i>Бала́кать</i> 21	<i>Взвоз</i> 24
<i>Бала́кирь</i> 30, 31, 32	<i>Вздѣ́мник</i> 35
<i>Ба́лка</i> 63	<i>Ви́лки</i> 33, 34
<i>Бахо́рить</i> 21	<i>Во́лок</i> 47, 60
<i>Ба́ять</i> 21	<i>Во́льха</i> 55
<i>Белоголо́вик</i> 51	<i>Во́рок</i> 103
<i>Бережи́на</i> 42	<i>Врасене́ц</i> 103
<i>Берку́н</i> 38, 39	<i>Вышка</i> 23, 25
<i>Бѣтень</i> 35	
<i>Бли́нцы</i> 35	<i>Гай</i> 52, 55
<i>Бли́цы</i> 88	<i>Га́ри</i> 53
<i>Бода́ть</i> 50	<i>Глажи́</i> 88
<i>Болтоки́ша</i> 88	<i>Глѣ́чик</i> 30, 32
<i>Больша́к</i> 103	<i>Гло́бка</i> 103
<i>Борови́к</i> 21, 51	<i>Гово́рка</i> 14
<i>Борово́к</i> 39	<i>Гово́ря</i> 14
<i>Боро́нка</i> 88	<i>Го́лбец</i> 18, 25
<i>Ботало</i> 13	<i>Голубни́ца</i> 25
<i>Боча́г</i> 102	<i>Гора́</i> 25
<i>Бредѣ́на</i> 88	<i>Гори́ще</i> 25
<i>Бруха́ть</i> 50	<i>Го́рница</i> 23
<i>Буера́к</i> 90	<i>Горла́ч</i> 31
<i>Буй</i> 102	<i>Городьба́</i> 103
<i>Бура́к</i> 39, 40	<i>Горо́жа</i> 103
<i>Бусене́ц</i> 103	<i>Гре́бень</i> 64
	<i>Гриб</i> 19, 55
<i>Ва́дега</i> 102	<i>Грибо́вня</i> 38
<i>Вале́к</i> 86	<i>Гри́ва</i> 63
<i>Ве́дрие</i> 102	<i>Гу́бы</i> 55, 56
<i>Вера́ть</i> 39	<i>Гу́бник</i> 35
<i>Верѣ́тья</i> 102	<i>Гу́бница</i> 56
	<i>Гумно́</i> 45

¹ Цифры указывают страницы, на которых слово объясняется или используется в тексте.

Гўтор 14
Гўторка 14
Гўща 88

Дэжа 32
Деряба 102
Долонь 46
Дорогой гриб 51
Дюже 103

Еланы 90
Елоха 55
Елошник 55
Елха 55
Елшаник 55
Емкы 30, 34, 88
Ендовина 90

Жаворонки 36
Жалица 13
Жарав 57
Жаравва 57
Жаравиха 57
Жаравица 57
Жегала 58
Жемкы 36
Жерав 57
Жеравиха 57
Жигучка 58
Жмўльки 36
Жнивье 43
Жостыль 3, 12
Журав 57
Журавина 88
Журавлина 57
Журавлиха 57

Забереги 102
Заворина 58
Заколье 102
Закрошки 39
Закўт 28
Закўта 28
Закўржеветь 65

Залежь 40
Заливень 103
Заплот 13, 28
Защипок 35
Зарод 44
Зеленя 40, 43
Землянка 102
Зымник 103
Зимняк 102
Зобенька 37
Зобня 38, 39

Изба 23
Икра 102
Исада 102

Кабан 102
Казак 56
Калда 103
Каливка 88
Калитка 34, 36
Калякать 21
Кан 49
Каныш 47, 49
Канюк 50
Каня 50
Картфельница 88
Катух 27, 28
Кашник 31
Квашня 32
Квочка 49
Квочка 49
Киселка 3
Кислица 3
Клўня 46, 47
Клўшка 49
Ковыл 51
Козўля 36
Кокот 49
Колдыбань 102
Колок 90
Команика 102
Копань 102
Корба 53, 54

Корéц 33
Корж 35
Коровáтик 51
Коровéнный 51
Коровíк 51
Корóвка 51
Корчáга 30, 32
Кóчет 47, 48
Красíк 19
Красногolóвик 19
Красовíк 19
Крася́к 19
Крини́ца 32, 62, 63
Крiнка 30, 31
Крóсна 27
Крóшни 38, 39
Крутéц 65, 90
Кугá 58
Кужéнька 36
Кузовóк 37, 39
Курёнки 88
Куржáк 65
Кúржевень 65
Курмýш 90
Кúрник 35
Курýн 49
Курчáта 88
Куря́та 88
Кúхта 65

Лáдка 30, 31
Ладóнь 46
Лáмба 102
Левáда 42
Лéпень 102
Лётник 102
Лiвник 103
Лимáн 102
Лоб 25
Лукóшко 37, 39
Ля́да 54
Лядуни́ца 3

Мандры́ка 36
Мар 65

Медвéжник 51
Медовíк 36
Мéсто 29
Мжель 94
Мжéние 94
Мжить 94
Мжiца 94
Мжiчить 94
Мжiчка 94
Молóжа 89
Молотiло 47
Мокринéц 102
Мокрýк 103
Моросéйка 103
Морцó 102
Мостiна 38
Мiукать 87
Мiркать 87
Мырчáть 87

Набирýха 38, 39
Навiна 41
Навiльник 44
Нáволок 42
Наливáха 88
Нали́вка 36
Насéдка 49
Новинá 40, 41
Нéпогодь 102

Обáбок 56
Облóг 40
Облóга 40
Оболонь 102
Овiн 45, 46
Огородь 103
Одвóрица 103
Одóнок 44
Одóнье 44
Ожiга 58
Ожiна 102
Озимь 43
Озорóд 44
Окидь 103

Окурень 35
Олех 55
Олешник 55
Олешье 55
Ольховник 55
Ольшá 55
Ольшáник 55
Ольшíна 55
Ольшнiяк 55
Олябыш 35
Омёт 44
Опáлыш 35
Опéчек 18
Орéхи 36
Осек 28, 29
Осéнница 102
Осерёдыш 102
Осто́жье 20
Остроко́л 103
Осырок 103
Отплéсье 102
Отынок 102
Очерёт 59

Пáзьмо 29, 103
Палíха 35
Пáлица 86
Пáлка 86
Пáлочник 60
Пан 51
Папу́шник 35
Пару́нья 47, 49
Пару́ха 49
Пару́ша 49
Пéвень 47, 48
Певу́н 48
Перелóг 40
Пéстёрь 38, 39
Пету́н 48
Пеу́н 48
Печу́рка 18
Плетенíца 38, 39
Плетéнь 28, 29
Плетю́ха 38

Пóветерь 103
Повéть 26, 27
Погово́р 11, 14
Пого́да 102
Пóдволока 25
Пóдловка 25
Пóдпол 25
Подсéка 41
Поды́збица 25
Пóжня 42
Полбóй 102
Полунíца 102
Пóплавень 103
Порáто 103
Порéчка 3
Пóрось 103
Поставéц 30
Потоло́к 25
Пресне́ц 35
Прóливень 103
Пря́женик 36
Пря́сло 28, 29
Пу́ня 26
Пу́тик 53
Пу́ща 53
Пшени́чник 35
Пы́рин 49
Пыря́ть 50

Ра́да 54
Ра́мень 53
Рекоста́в 102
Рёлка 63
Рíга 46, 47
Рогáч 33
Рого́з 50
Рогу́ша 33
Ру́тка 103
Ры́бник 35
Ры́жик 88
Ры́льник 30

Свербу́ха 58
Сгíбень 35
Сдво́рок 88

Сэвень 103
Сэлезень 3
Селёток 87
Сённик 24
Сестреніца 3
Сестрянка 3
Сівер 102
Сітник 35
Скирд 44
Сноборіха 102
Сóгра 102
Сóлоть 102
Сор 102
Сóрма 102
Сосунók 87
Ставёц 30
Стáйка 13
Стáя 27, 28
Стерня 43
Стёжка 61
Столб 65
Стрэжень 3
Стрека́ва 57, 58
Стрека́ть 58
Стреки́ва 58
Стреки́ша 58
Стрёлка 3
Стригу́н 88
Струна́ 3
Студене́ц 63
Сту́льчик 88
Сузём 50, 52, 53
Сузёмье 53
Суніца 102
Сутóки 97

Табáнь 35
Тай 53
Тáйбола 53
Ток 45
Толка́ч 51
Толокá 46
Толстокорённый 19
Тоньці 35
Топлёнка 88

Трепа́ла 27
Треста́ 59
Тресть 59
Третья́к 88
Трость 59
Тўес 27, 38, 39
Туесóк 56
Тын 28, 29

Ува́л 63
Уго́р 63
Урёма 102
Уса́д 29
Уса́дьба 29
Ухо́жь 88

Ха́та 23
Хова́ть 88
Хорóмина 23, 24
Хороні́ть 88

Ца́пка 33
Ца́пля 33, 88
Цели́к 51
Цельи́ш 56

Ча́кан 60
Чапа́ть 33
Чапельник 33
Чапы́га 53
Чару́са 102
Чепелá 33, 88
Чищóба 41

Шáньга 34
Шелепня́к 89
Шелóник 103
Ші́вера 102
Шихáн 65
Ші́шка 65
Шлях 60
Шургáн 103
Шутём 102
Шушўн 18

Яру́га 102

Литература для дальнейшего чтения

Бессараб М. Владимир Даль. М., 1968.

Булатов М., Порудоминский В. Собирал человек слова. Повесть о В. И. Дале. М., 1966.

Булатова Л. Н., Касаткин Л. Л., Строганова Т. Ю. О русских народных говорах. М., 1975.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М., 1955.

Словарь русских народных говоров. Вып. 1—19. Л., 1965—1983.

Энциклопедический словарь юного филолога / Сост. М. В. Панов. М., 1984.

СОДЕРЖАНИЕ

О чем эта книга	3
Самоцветная речь	5
Говоры-поговоры	11
«Слова-то все какие...»	16
Говорить — баять — гутарить (21). Дом — изба — хата (23). Горшок. Ладка. Емки (30). Ватрушка — шаньга — калитка (34). Лукóшко — кузовóк — зобенька (37). Новинá. Пóжня. Зеленя (40). Певень. Пару́нья. Кáныш (47). Сузём. Журавлиха. Рогоз (50). Дорога — вóлок — шлях (60). Родник — кипун — криница (62). Грива — рёлка — угóр (63). Иней — кóржевень — куржáк (65).	
«Круглое <i>о</i> и подчеркнутое <i>а</i> ...»	66
О круглом <i>о</i> и подчеркнутом <i>а</i> (69). «Обернутое бархатцей <i>г</i> » (72).	
«Доставать тоё Жар-птицу...»	73
Какого рода слово <i>стадо</i> ? (75). «Я от дедушки ушел...» (76).	
Возьми <i>у меня</i> и возьми <i>у мене</i> (77). «Денис Иванович куеть...» (78).	
«Побежали по Ивана...»	79
Приехали <i>из города</i> — приехали <i>с города</i> (80). Пасут <i>возле речки</i> — пасут <i>возле речку</i> (81). <i>По-под</i> горою, <i>по-над</i> рекою... (81).	
Дочки <i>устроились</i> — дочери <i>устроивши</i> ... (82). Трактора <i>проехали</i> — у тракторов <i>проехано</i> (83).	
Вологодские — рязанские...	84
Диалектология и диалектологи	89
Родная речь родного края	96
Алфавитный указатель диалектных слов и слов с диалектными значениями, встречающихся в книге	105
Литература для дальнейшего чтения	110

Венедикт Федорович Барашков

А КАК У ВАС ГОВОРЯТ?

Зав. редакцией *А. В. Прудникова*

Редактор *И. И. Нестеренко*

Редактор карт *Г. Д. Семенова*

Художник *Ю. М. Гордон*

Художественный редактор *В. А. Аткарская*

Технический редактор *И. Ю. Щукина*

Корректор *О. В. Ивашкина*

ИБ № 9239

Сдано в набор 24.12.85. Подписано к печати 14.08.86. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типограф. № 2. Гарнит. лит. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,88. Усл. кр.-отг. 6,3. Уч.-изд. л. 5,85. Тираж 238 000 экз. Заказ 8859. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Областная типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли
Ивановского облисполкома. 153628, г. Иваново, ул. Типографская, 6.

рамчъ

рада-ляда-корба

гай

взвоз

хата

плетечъ

жапица

горшок

кричка

гличик

бѣлый грибъ - боровикъ

